

Александр Александрович Бушков
Екатерина II. Алмазная Золушка
Серия «Россия, которой не было», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем
Екатерина II. Алмазная Золушка: ОЛМА Медиа Групп; Москва;
ISBN 978-537-3-04644-2*

Аннотация

Быть может, в человеческой истории и не найдется второй подобной Золушки, – из сущего ничтожества поднявшейся на трон великой империи, да вдобавок оказавшейся столь крупной и яркой личностью, о которой спорили, спорят и будут спорить еще долго.

Кто она, Екатерина Великая? Немецкая принцесса, с триумфом взошедшая на российский престол и преуспевшая на этом поприще? Собирательница русских земель и угнетательница крестьян? Просвещенная правительница, всеми силами борющаяся со свободомыслием, но при этом тяготившаяся изысками придворной жизни? Или простая женщина, окружившая себя толпой фаворитов, но так и не встретившая своего главного мужчину?

Такой Екатерины II, портрет которой создан А. Бушковым, вы еще не знали.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Бушков

Екатерина II: алмазная Золушка

Сколько бы мы ни помышляли о благополучии человечества, никакой законодатель, никакой философ существа вещей переменить не может. Весьма вероятно, что род наш необходимо должен быть таковым, каковым мы его знаем, т. е. странным смешением добрых и худых качеств. Воспитание и науки могут распространить круг наших познаний, доброе правление может сделать лицемеров, кои будут носить личину добродетели, но никогда не переменят сущности души нашей.

**Фридрих Великий. Из письма маркизу д'Аламберу,
18 мая 1782 г.**

Глава первая

Самый причудливый век

Хорошенько запомните эпитафию – мы будем к нему возвращаться снова и снова, поскольку, по моему глубокому убеждению, эти слова наилучшим образом объясняют многое как в деятельности и героини этой книги, Екатерины Великой, так и в ее времени, романтическом и жутком восемнадцатом столетии. Хотя... Все сказанное Фридрихом в полной мере относится и к нашему нынешнему времени: и наука не в пример развитее, и воспитание располагает немислимыми во времена Екатерины и Фридриха техническими возможностями, а вот поди ж ты – род человеческий по-прежнему являет собой «странное смешение добрых и худых качеств»...

Так что Фридриха Великого никак нельзя упрекать в пессимизме. Конечно, эти строки им написаны *на закате*, в семьдесят лет, за четыре года до смерти, когда практически все его свершения и поражения были уже позади. Но, поскольку они, как только что говорилось, ни капли актуальности не утратили, дело тут вовсе не в старческом усталом пессимизме, той самой житейской грусти, что заставила библейского царя Соломона заказать кольцо с надписью «Все проходит», а библейского пророка Екклесиаста – написать пронзительно-щемлящую в своей запредельной тоске книгу...

В конце-то концов, еще в 1768-м Фридрих писал тому же маркизу д'Аламберу, своему многолетнему корреспонденту, нечто крайне схожее: «Не правда ли, что электрическая сила, и все чудеса, кои поныне ею открываются, служат только к возбуждению нашего любопытства? Не правда ли, что притяжение и тяготение удивляют только наше воображение? Неправда ли, что всех химических открытий такие же следствия? Не менее ли от сего происходит грабительств по большим дорогам? Сделались ли от сего откупщики ваши менее жадны? Возвращаются ли с большею точностью залогов? Менее ли клевет, истребилась ли зависть, смягчились ли сердца ожесточенные? Итак, какая нужда обществу в сих нынешних открытиях, когда философия небрежет о чести нравственной, к чему древние прилагали все свои силы?»

Это уже не пессимизм. Это – *убеждения*. Значительно обогнавшие свое время: тогдашние просвещенные умы, крупные ученые, современники Фридриха, наоборот, полагали, что развитие науки и техники само по себе, волшебным образом, и общество преобразит, и нравы облагородит, и людей сделает в сто раз лучше и чище...

Сегодня мы знаем, что это не так. А вот двести с лишним лет назад прусский король был едва ли не единственным, кто шел «против течения»...

Но книга, в конце концов, не о нем. Книга – о женщине, чья судьба не уступает по фантастичности истории Золушки из сказки Шарля Перро. Знатная, но бедная девчонка из микроскопического германского княжества стала единоличной правительницей огромной Российской империи – не в сказке, а в самой доподлинной реальности. Начало этой феерической карьеры зависело от других людей – но потом слишком многое, почти все зависело исключительно от нее. Не только современники (что, в конце концов, можно списать на примитивную лесть), но и потомки признавали за ней пусть и неписанный, но от того не ставший менее блистательным титул Великой.

А это ведь очень серьезно, господа мои. На протяжении всего восемнадцатого столетия только три монарха удостоились от современников и потомков прозвания Великий: Петр I, Фридрих II и Екатерина II. Подобными титулами не разбрасывались...

Наша Золушка уникальна!

В первую очередь оттого, что слишком многого она добилась собственными трудами, собственной волей, энергией, умом. В мировой истории не раз случалось, что женщины (да и мужчины тоже), вынырнув из неизвестной никому сточной канавы и перепорхнув напрямик в королевскую постель, становились титулованными дамами, усыпанными брильянтами... Классический пример – Екатерина I, девица до сих пор не проясненного историками происхождения, ставшая императрицей всероссийской.

Но это – совсем *другое!* Сама Екатерина тут, собственно, и ни при чем. Все происходило как бы помимо нее. Сначала смазливую девочку углядели в захваченном городе русские драгуны, хозяйственно утащили в обоз и достаточно долго учили под телегами незатейливой походно-полевой любви. Потом ее углядел фельдмаршал Шереметев, пользуясь служебным положением, выкупил у солдат за пару рублевиков, забрал себе и учить стал уже единолично. У фельдмаршала красотку самым нахальным образом отобрал Александр Данилыч Меншиков, известный шарлатан насчет дамских сердец – а уж от него Катенька перешла к государю императору и так его очаровала постельными талантами (ничего удивительного – после стольких-то учителей!), что он, в конце концов, с ней обвенчался законным образом. Когда же Петр помер, и вдова стала единоличной правительницей, она себя не проявила абсолютно ничем таковым – только подмахивала подсунутые Меншиковым государственным бумагам да пила беспробудно, отчего в конце концов и отправилась преждевременно вслед за грозным супругом...

С Екатериной Великой все обстояло совершенно иначе. Почти всем успехам и достижениям она обязана исключительно самой себе, и с этим не поспоришь...

Но прежде чем подробно и обстоятельно рассказать о Екатерине, следует, сдастся мне, посвятить целую главу ее времени – «веку золотому Екатерины», восемнадцатому столетию.

Право же, это *уникальное* столетие! Другого, столь же причудливого, поражающего сочетанием самых несовместимых вещей, событий и порядков, в мировой истории, пожалуй что, и не отыщется...

Потому что это был *переходный* век. Неким рубежом пролегли между двумя совершенно несхожими столетиями, отличавшимися друг от друга, как небо от земли.

Век семнадцатый – еще почти полное всевластие королей, жизнь, в значительной степени основанная на идеях, практике и укладах средневековья.

Век девятнадцатый – бешеный рыбок научно-технического прогресса (пароходы и паровозы, телефон и телеграф, электрическое и газовое освещение, воздухоплавание и открытие радиоактивности), широко распространившееся образование, расположившиеся повсюду парламенты и получившие немалую власть над обществом газеты, невиданные прорывы в медицине, сельском хозяйстве, многих науках.

И между ними этот переходный, причудливый, совместивший, казалось бы, несовместимое, восемнадцатый век... Времена, когда наугад, почти вслепую нащупывали дорогу и сами не понимали, куда же она, собственно, ведет. Времена экспериментов решительно во всем. Времена, когда не было ничего почти устоявшегося – государственные границы мало походили на те, к которым привыкли позже, а будущее известнейших впоследствии личностей зависело от бытовых случайностей, висело на волоске: один шагок в сторону пропасти – и...

Каким же оно было, восемнадцатое столетие, таким романтичным предстающее на экранах?

Начнем с того, что тогдашнее человечество не знало других источников энергии, кроме ветра и воды. «Лошадиная сила» была не абстрактной единицей измерения мощности, а самой натуральной лошадью, которую нужно было уметь содержать и лечить. Не было ни электричества, ни паровых машин. Вообще. Ездили на лошадях или в каретах, дома освещались свечами. Печи топили дровами и углем. Токарные и типографские станки приводились в движение теми, кто на них работал – сам себе и мастер, и двигатель.

Вообще-то об электричестве уже кое-что знали – так, самую чуточку. Было известно, что «электрическая сила» существует – но никто и представления не имел, можно ли ее приспособить к реальному делу, и как ее вообще приспособить. Как раз в год рождения Екатерины, в 1729-м, некто С. Грей открыл: абсолютно все, что есть на свете, делится на две категории: тела, проводящие электричество, и тела, такового не проводящие. Для своего времени – открытие эпохальнейшее, без малейшей иронии...

Лишь в *семидесятые* годы восемнадцатого столетия в испанских университетах стали открыто учить студентов, что Земля шарообразна и вращается. Боже упаси, не подумайте, что до того времени кто-то полагал, будто Земля плоская! Ничего подобного. О том, что Земля круглая и вращается, в Испании прекрасно знали уже во времена Колумба – и, между прочим, заключали межгосударственные договоры о разделе сфер влияния в Америке как раз исходя из того, что наша планета – шар. Просто... Просто-напросто власть имущие полагали, что лишние знания широким массам абсолютно ни к чему. Так оно гораздо спокойнее – когда мозги подданных знаниями не особенно и перегружены... И налоги собирать легче, и вообще...

О микробах уже имели некоторое представление – еще в конце семнадцатого столетия голландец Антоний ван Левенгук изобрел микроскоп. Новомодное изобретение быстро распространилось по Европе, и в него разглядывали микробов, бактерий, инфузорий и прочих невидимых простым глазом крохотулек – но исключительно забавы ради. Практически на всем протяжении восемнадцатого века никто не связывал микробов и эпидемии. Лучшие умы тогдашней науки в простодушии своем полагали, что микробы «самозараждаются» во всякой гнили – и это всеобщее заблуждение французский ученый Пастер опроверг только в шестидесятых годах века девятнадцатого...

Ну, а поскольку никому и в голову не приходило, что микробы, вульгарно говоря, разносят заразу, то ни о какой санитарии и гигиене тогдашняя медицина не заботилась. Врачи и акушерки, принимавшие роды, тщательно мыли руки не до того, как подступали к пациенткам, а *после*. В результате свирепствовала хворь под названием «родильная горячка» – точнее говоря, целая куча болезней, вызываемых исключительно тем, что эскулапы немытыми руками заносили инфекцию. Смертность среди рожениц и детей была потрясающая.

Хирурги обходились без наркоза, которого к тому времени тоже еще не изобрели. Операции они, в общем, делать наострились (главным образом всевозможные ампутации), но вместо привычной нам общей или местной анестезии беднягу пациента либо глушили по голове специальным деревянным молотком, чтобы ненадолго выпал из реальности, либо поступали чуточку гуманнее – напавали вином вусмерть. На фоне жуткого похмельного

синдрома, согласитесь, отсутствие ноги или руки можно перенести гораздо легче, нежели на трезвую голову...

На протяжении всей первой половины восемнадцатого столетия по Европе, от Мадрида до Петербурга, еще болтались живые пережитки прошлых веков – странствующие алхимики, обещавшие любому, кто готов был платить звонкой монетой, сделать груды чистого золота из любого мусора с помощью загадочного «философического эликсира».

Черт побери, до чего изобретательный был народ! Одни применяли «капеллы» – горшки, на дно которых клали золотой порошок, а потом делали фальшивое дно из воска. Горшок ставили на огонь, наливали туда «философический эликсир», довольно долго в сосуде что-то бурлило, кипело и воняло – и, наконец, к радости клиента, там обнаруживалось золото. Правда, потом, когда алхимик, всучив заказчику за кругленькую сумму флакончик эликсира, растворялся в безвестности, золота почему-то уже не получалось, сколько ни кипятить...

Другие использовали выдолбленные палочки, помешивали ими варево, незаметно подбрасывая золотые опилки. Третьи демонстрировали всем и каждому гвозди, монеты и прочие металлоизделия, наполовину состоявшие опять-таки из чистейшего золота: мол, опустил краешком в философический эликсир, и вот что получилось, сами убедитесь, люди добрые...

С подобными цирковыми номерами чуть ли не всю Европу объездил, собирая денежки с доверчивых простаков, итальянский «адепт всевозможных тайных наук и алхимии» Каэтано, без всяких на то законных оснований именовавший себя «графом». Однако в Пруссии у него вышла осечка. Тамошний король Фридрих Вильгельм I был человеком суровым – и, когда не дождался не то что обещанных «графом» шести миллионов талеров, но и гроша ломаного, велел без суда и следствия итальянца вздернуть. Ну, и вздернули, конечно – уже на самой обычной виселице, не на позолоченной, как принято было в старину...

Правда, иногда из алхимических опытов неожиданным образом получалась польза. Были среди алхимиков не только циничные шарлатаны, но и упертые фанатики, искренне верившие, что магический эликсир существует, и открыть его можно при необходимом упорстве. Один из таких «упертых», Иоганн Бетгер, чуточку тронувшись умом от бесчисленных экспериментов, вообразил, будто все же изобрел «философический эликсир» – и до тех пор болтал об этом на всех перекрестках, пока его не похитили агенты саксонского курфюрста. Засадили в уединенный замок, оборудовали великолепную лабораторию и велели:

– Ну, делай золото... Страдивари! А то у нас и пытошные имеются...

Бетгер так и не сделал ни крупинки золота – но зато неожиданно как для окружающих, так и для себя самого, придумал, как изготовить самый натуральный, первоклассный фарфор (который тогда ввозили из Китая, в Европе делать не умели, и стоил он по этой причине бешеные деньги). Так и появились на свет знаменитые Мейсенские заводы, обогатившие Саксонию...

К чести наших предков, следует непременно упомянуть, что в России никогда ни один алхимик ни гроша не выцганил из казны, как ни пытался. В 1740 году, скажем, некий голландец Иоанн де Вильде объявился в Петербурге, полагая, должно быть, что тамошние дикари поверят любым сказкам – и предложил за скромную сумму всего в тысячу червонцев открыть способ, «как делать ежемесячно по сто червонцев золотом». Императрица Анна Иоанновна (далеко не такая тупая баба, как принято считать), высочайше повелела, чтобы под носом у голландцев изобразили некую фигуру из трех пальцев.

Через год, уже при Елизавете Петровне, заявился с похожими предложениями некий французик де Шевремон, то ли настоящий барон, то ли самозванный. Этот по мелочам не работал: кроме денег, просил еще графский титул, высший русский орден Андрея Первозванного и пост русского посла при французском дворе. Вылетел из Петербурга, толком не

успев сообразить, что с ним произошло, и откуда у него пониже спины отпечаток подошвы... Представления не имел, придурок, что еще в 1731 г. «Ведомости Санкт-Петербургской академии наук» напечатали огромную статью «Об алхимиках», где таким, как он, давно воздали должное. Не следил за русской научной литературой.

Итак, восемнадцатый век...

Германии как единого государства не существовало. На ее месте расположилось триста с лишним суверенных государств – некоторые вполне приличных размеров, но многие можно было за день обойти по всему периметру границ. Вообще-то все это аж с девятого века именовалось «Священной Римской империей германской нации», и все эти долгие столетия без всяких перерывов кто-нибудь да занимал императорский трон – но этот пышный титул приносил лишь моральное удовлетворение. Реальной власти у императора не было, никто ему не подчинялся, никто его не слушался...

Англия с Шотландией только в 1707 г. объединились в одно государство, получившее название Великобритания. Но после этого шотландцы устроили еще парочку крупных восстаний, борясь за прежнюю независимость. Их с превеликим трудом победили – и еще несколько десятков лет, говоря современным языком, прессовали по-черному, заставляя носить вместо юбок штаны. Упорные шотландские мужики сопротивлялись, как могли (по их твердому убеждению, только клетчатая юбка могла считаться настоящей мужской одеждой, а портки таскали всякие воры, мошенники и педерасты, вроде англичан). Но, в конце концов, поняли, что против власти не попрешь, и с тяжкими вздохами стали натягивать штаны...

Единой Италии опять-таки не существовало. Там, правда, было не триста суверенных государств, а гораздо меньше. Два королевства: Королевство Обеих Сицилий и Сардиния. Три герцогства: Милан, Парма и Модена. Великое герцогство Тоскана. Две республики – Генуя и Венеция. Не маленькое по размерам Папское государство, где вся власть принадлежала римским папам. И, наконец, загадочная Область Президии, о которой мне, несмотря на все поиски, не удалось ничего раскопать.

И все бы ничего, но на протяжении всего восемнадцатого столетия французские короли и австрийские императоры воевали меж собой за итальянские провинции – причем все войны разворачивались на итальянской территории, а мнением самих итальянцев на этот счет не интересовались совершенно. Легко догадаться, что итальянцам приходилось несладко – их регулярно и со вкусом грабили то те, то эти, а то, что осталось, в виде налогов отбирали местные короли с герцогами. Осатанев от такой жизни, итальянцы массами бросали к чертовой матери разоренное хозяйство и подавались куда глаза глядят. Кто посмирнее уходил в нищие, кто посмелее – в разбойники. Тогдашняя Италия занимала первое место в Европе по количеству нищих и разбойников, заполонивших города и большие дороги...

Собственно говоря, никакой такой «Австрии» в те времена не существовало. Государство имелось, конечно, и немаленькое, и императоры в нем правили отнюдь не слабые и не бесправные – но тогдашняя австрийская империя именовалась «наследственным владением дома Габсбургов», официально, во всех бумагах.

Границы России, еще не устоявшиеся, нам сегодня кажутся чертовски непривычными. На западе они проходили неподалеку от Смоленска – а дальше простиралась Польша. Точнее, Речь Посполитая, чуточку шизофреническое государственное образование, где шляхта выбирала короля, восседавшего затем на троне в качестве исключительно декоративной фигуры.

Крым еще принадлежал татарским ханам, а земли к северу от него стояли необитаемые и неосвоенные. Там, где сейчас плотина Днепрогэса, вольготно обитала Запорожская Сечь – разросшаяся до гигантских размеров разбойничья шайка, грабившая всех подряд и служившая кому попало, лишь бы платили (об этом бандюганском сборище – чуть погодя).

Что еще? Ах, да, существовала еще Голландия, вольная республика, прославившаяся в восемнадцатом столетии своей уникальной системой налогов, по количеству и разнообразию способной соперничать разве что с фантазиями Петра Великого.

Подходный налог, конечно. Налог на слуг – тот, кто держит слуг, платит государству налог с каждой головы, от престарелого дворецкого до сопливого поваренка. И превеликое множество налогов на потребление: «на вина и крепкие напитки, уксус, пиво, все виды зерна, разные сорта муки, на фрукты, на картофель, на сливочное масло, строительный лес и дрова, торф, уголь, соль мыло, рыбу, табак, курительные трубки, на свинец, черепицу, кирпич, на все виды камня, на мрамор». Сплошь и рядом налог равнялся стоимости самого продукта.

Быть может, оттого так и расцвела в Голландии живопись, что не было налога на холсты, краски и кисти?

Даже география планеты еще не устоялась! Точнее говоря, на картах оставалась масса белых пятен. Страну великанов, куда очередным штормом забросило Гулливера, Джонатан Свифт поместил в Тихом океане, где-то между Японией и Северной Америкой. И читатели в то время верили, что речь в книге идет о реальном плавании реального человека: очень уж много было на Земле совершенно неисследованных районов, и можно было допустить, что существуют еще где-то большие неоткрытые острова...

Мало того, и религии, принятые в том или ином государстве, могли в одночасье *обрушиться!* Об этом мало кто знает, но какое-то время в начале своего царствования Петр I всерьез носился с идеей ввести в России вместо православия... католичество. Именно так, не более и не менее.

Эту историю подробно излагает в своих знаменитых «Мемуарах» герцог де Сен-Симон, французский политический деятель и писатель (в достоверности записок коего ученый мир, в общем, давно не сомневается).

«Сей монарх, желавший вывести и себя, и свою страну из варварства и расширить ее пределы с помощью завоеваний и договоров, понимал, насколько необходимо родниться посредством браков с наиболее могущественными государями Европы. Поэтому ему стало необходимо католичество, которое с греческим обрядом разделяет столь немного, что он полагал не особенно трудным свой план введения его у себя... Однако он был достаточно умен и потому прежде решил уяснить себе, каковы притязания Рима. Потому он послал туда некоего человека, способного собрать сведения».

Посланный, однако, хотя и проболтался в Вечном Городе полгода, ничего толкового Петру не сообщил. Тогда...

«Петр выбрал князя Куракина, о котором знал, что он человек просвещенный и умный, и велел ему поехать в Рим якобы из любознательности, предвидя, что перед столь знатным вельможей откроются двери самых лучших, значительных и выдающихся людей в Риме, и он, оставшись там под предлогом, будто ему нравится римская жизнь и хочется не торопясь все повидать и отдать дань восхищения чудесам всякого рода, в изобилии собранным в этом городе, будет иметь время и возможность наиболее полным образом получить сведения, интересующие царя. Куракин действительно прожил там три года, бывая, с одной стороны, у ученых, а с другой – в лучшем обществе, и постепенно узнал все, что хотел знать».

Мотивы Петра Сен-Симон тут же указывает: «Страстное желание открыть своему потомству возможность сочетаться браком с католическими монархами Европы, а главное, добиться чести соединиться родственными узами с царствующими домами Франции и Австрии».

Однако – не сложилось: «Прочитав длинный и верный отчет Куракина, царь вздохнул и сказал, что он хочет быть властелином у себя и не желает ставить над собой кого-то более великого, чем он, и перестал думать о переходе в католичество».

Стоить ли верить Сен-Симону касательно замыслов Петра? На все сто. Поскольку то, о чем он пишет в мемуарах, великолепно сочетается со множеством других факторов, а добавок еще и с характером Петра и его внешнеполитическими устремлениями...

Сен-Симон завершает: «Князь Куракин не делал тайны из этой истории про интерес царя к Риму. Все, кто знал его, слышали, как он рассказывал об этом; он обедал у меня, я обедал у него, и я много беседовал с ним и с большим удовольствием слушал его разговоры на самые разные темы».

Князь, о котором идет речь, – одна из заметнейших фигур петровского царствования. Это – Борис Иванович Куракин, свояк Петра, женатый на Ксении, сестре Евдокии Лопухиной. Когда Петр упек Евдокию в монастырь, на свояке это никак не отразилось. Куракин – государственный деятель и дипломат, действительный тайный советник и полковник Семеновского полка. В двадцать один год прошел обучение в Венеции, участвовал в Нарвском сражении, взятии крепости Нотебург, Полтавской битве, выполнял множество ответственных дипломатических поручений. В 1707 г. прибыл в Рим – официально для того, чтобы добиться непризнания Ватиканом в качестве польского короля неугодного России Станислава Лещинского. Но, в полном соответствии с рассказом Сен-Симона, задержался в Вечном Городе очень уж надолго. Что было предельно странно: Петр никому из своих сподвижников (и вообще всему дворянству) не позволял бездельничать, долгими месяцами болтаться по заграницам ради собственного удовольствия. Служить должны были все, от безусого прапорщика до престарелого фельдмаршала. Чтобы освободиться от государевой службы, нужно было либо прийти в совершеннейшую дряхлость, либо получить особенно жуткие увечья (одноногих и однуруких в покое обычно не оставляли, пристраивая на всевозможные «нестроевые» должности, где и с недочетом в конечностях можно справиться).

И тем не менее Куракин долго, очень долго *торчал* в Риме. Не имея никаких официальных служебных надобностей...

Не стоит сомневаться и в том, что Петр хотел породниться с крупнейшими монархами Европы. В 1723 г. тот же Куракин вел в Париже переговоры касательно возможной женитьбы французского принца на царевне Елизавете Петровне – но французы довольно резко отказали. Причина лежит на поверхности: дело тут вовсе не в том, что царевна была из «дикой Московии». Просто-напросто Романовы, занявшие престол без году неделя, в Европе, как это ни прискорбно для нашего национального самолюбия, совершенно не котиrowались (особенно если учесть, что маменька Елизаветы, хотя и коронованная по всем правилам императрица, происхождения была самого «подлого», и ее бурная биография была в Париже прекрасно известна...

Одним словом, в глазах французских и австрийских монархов «герр Питер» был этаким выскочкой, женатым к тому же на крайне сомнительной особе. Это с Иваном Грозным, родовитейшим Рюриковичем, родственником многих европейских монархов, Европа разговаривала со всем почтением. А вот *выскочек* в старинных королевских домах не особенно жаловали. Сохранилась обширная переписка того же Грозного со шведским королем (королем, так сказать, в первом поколении, поскольку его папенька был не королем, а простым правителем) – Иоанн Васильевич вдоволь, не выбирая выражений, поиздевался над «мужицкого рода королем» и даже нормальных отношений на уровне послов с ним не поддерживал, а сносился через новгородского наместника, считая, что с «мужика» и этого достаточно. Шведский король, что характерно, вынужден был это терпеть, поскольку «монаршество» его и в самом деле было чересчур уж новехоньким, еще упаковка, можно сказать, в углу валялась, и свежей краской несло от позолоты...

Словом, на Елизавету не позарились, а двух других дочерей Петр вынужден был выдать замуж за князьков Голштинии и Курляндии, которые на карте можно было закрыть

медной копейкой. У этих господ, хотя и родовитых так, что далее некуда, в казне гуляли сквозняки, а потому было не до спеси...

Был еще один весомейший мотив, кстати, по которому Петр крайне нуждался в сближении с Австрией. Петр всю жизнь искал сильных союзников против Турции – а Австрия, граничившая тогда с турецкими владениями, со Стамбулом воевала долго и упорно...

Вряд ли можно было ожидать от Петра каких бы то ни было колебаний идейно-морального плана. Его отношение к религии вообще и православию в частности прекрасно известно. Петра даже нельзя назвать «неверующим» – этот человек настолько демонстративно и вызывающе поставил себя вне религии, что иные упрямо считали, что это и не человек вовсе. Честно сказать, у них были к тому все основания: достаточно вспомнить гнуснейший «Всешутейший собор» Петра, откровенно пародировавший (публично!) православные обряды, и ту откровенную чертовщину, что творилась в доме «главного чертушки» Франца Лефорта, когда там прыгала мебель и посвистывали в темных углах какие-то мохнатые создания...

Кстати, еще во времена знаменитого Великого Посольства (1698 г.) Петр в Венеции свел самое тесное и сердечное знакомство с тамошними иезуитами: был на мессе, обедал в иезуитском коллегиуме. Особенно тесно сблизился с отцом Вольфом, которого даже взял в переводчики на сверхсекретную беседу с австрийским императором и потом щедро наградил «двумя сороками» соболей и дорогой тканью.

Будь это ему выгодно, Петр, полное впечатление, мог бы «переоформить» свою державу не то что в католичество, а и в магометанство. Такой уж был человек... или все же не человек? Кто теперь скажет...

Мотив, по которому Петр отказался от идеи внедрить в России католичество, приведенный Сен-Симоном, опять-таки полностью сочетается с нравом Петра: он попросту не мог допустить, чтобы над ним стоял кто-то еще – в данном случае папа римский. Православную церковь, напомню, Петр лишил возможности выбрать себе патриарха – и превратил, собственно, в один из департаментов государственной бюрократической машины...

Так что, как видим, какое-то время всерьез стоял вопрос о решительной перемене веры в России. Не ставшей тогда католической исключительно из-за тяги Петра к полной и единоличной власти, не стесненной никем и ничем, ни в малейшей степени...

Еще о случайностях. В свое время события сложились так, что Россия могла по дурацкой случайности лишиться великого своего ученого Михаила Васильевича Ломоносова. Окажись на окне в казарме прочная решетка, будь кавалеристы попроворнее...

А впрочем, начнем с самого начала – со времен Анны Иоанновны, когда эта история и случилась.

Императрица Анна Иоанновна, настоящая, реальная, в общем-то, не имела ничего общего с тем карикатурным образом и тупой и злобной бабищи, что с чьей-то легкой руки утвердилась в отечественной истории так прочно, что лишь в самые последние годы эту дурную легенду начали понемногу развеивать. Слишком долго пылилась в забвении книга крупного русского историка и писателя князя Щербатова (1733–1790). Хотя Щербатов еще во времена Екатерины II, пусть и отмечая грубость Анны и ее выносившиеся без всякого колебания смертные приговоры, отмечал и другие стороны характера «царицы пристрашного зраку»:

«Императрица Анна не имела блистательного разума, но имела сей здоровый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен... Не имела жадности к славе, и потому новых узаконений и учреждений мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное, в порядке содержать. Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства; ничего спешно и без совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все ее узаконения суть ясны и основательны...»

Одним словом, перед нами тот самый просвещенный консерватизм, который лично я предпочитаю водовороту дурацких реформ наподобие петровских. Одно немаловажное уточнение: коли уж Анна окружала себя умными людьми (факт, отмеченный многими историками), значит, она как-то умела выявлять и приближать как раз умных – что ее деловые качества характеризует опять-таки с хорошей стороны. Умение подобрать толковую команду – уже само по себе достоинство для правителя.

Тот же Щербатов пишет о работе министров Анны так: «Был управлен кабинет, где без подчинения и без робости один другому каждый мысли свои изъяснял; и осмеливался самой Государыне при докладе противуречить; ибо она не имела почти никогда пристрастия то или другое сделать, но искала правды; и так по крайней мере месть в таковых случаях отогнана была; да, можно сказать, и не имела она льстецов из вельможей, ибо просто наследуя законам дела надлежащим порядком шли».

Похожа *такая* императрица на тупую тираншу?

Ни в малейшей степени!

Кстати, именно при Анне русским офицерам стали платить такое же жалованье, как иноземцам (ранее иностранцы получали вдвое больше). Именно при Анне в России появились опера, балет, первые научные журналы – и *первые* русские ученые. При ней были организованы первые экспедиции к берегам Америки. Нельзя сказать, что Анна очень уж усердно интересовалась науками – но все же Академию посещала не так уж редко, смотрела физические и химические опыты и даже наблюдала в телескоп кольца Сатурна.

И настал момент, когда на самом верху было решено, что в России необходимы свои ученые люди, сведущие в химии (которая тогда изучалась в тесной связке с горным делом и металлургией). Еще Петр I, учреждая Академию Наук, предусмотрел в ней кафедру химии – но как раз этой научной дисциплине в Санкт-Петербурге роковым образом не везло. В 1726 г. на все еще вакантную кафедру химии пригласили курляндского медика Бюргера – но он вскоре принял совершенно русскую смерть: возвращаясь из гостей вдребезину пьяным, кувырнулся из экипажа и убится насмерть. Казалось бы, басурманин, иноземец, слова по-русски не знал, а вот поди ж ты... Есть некая духовная связь меж русскими и немцами, особенно в том, что касается неумеренного поглощения спиртного!

На освободившееся место пригласили опять-таки немца – Иоганна Гмелина-старшего. Этот водочку потреблял гораздо умереннее, ученым был серьезным, да вот беда – химией он (натуралист, ботаник, зоолог, этнограф) интересовался менее всего. И, как только подвернулась оказия отправиться с естественнонаучной экспедицией в Сибирь, Гмелин ею немедленно воспользовался – и остался в Сибири на десять лет без малого.

В общем, нужно было готовить своих специалистов, не полагаясь на капризы германского ума. Академия выбрала трех кандидатов:

«1. Густав Ульрих Рейзер, советник берг-коллегии сын, рожден в Москве и имеет от роду семнадцать лет.

2. Дмитрий Виноградов, попович из Суздаля, шестнадцати лет».

3. Михайло Ломоносов, крестьянский сын, из Архангельской губернии, Двинского уезда, Куростровской волости, двадцати двух лет».

На самом деле Михайле тогда было добрых двадцать пять годочков, но он убавил себе возраст, чтобы не казаться чересчур уж «матерым» – а то, чего доброго, за границу не пошлют, ведь Академии *вьюноши* надобны...

Михайло свет Васильевич, надобно вам знать, всегда считал, что для пользы дела не грех и приврать. В свое время, стараясь попасть в Славяно-греко-латинскую академию, он скрыл свое настоящее происхождение (крестьянских детей в сие учебное заведение принимать было запрещено официальным указом) и назвался сыном холмогорского дворянина. Проехало.

Чуть позже, когда готовилась экспедиция в закаспийские степи, Михайло, чтобы принять участие в столь интересном деле, написал в прошении, что отец у него не крестьянин и не дворянин, а священник. Правда, на сей раз кто-то въедливый учинил строгую проверку, и враки выплыли на свет божий. В совершеннейшей растерянности чиновник вскричал:

– Да кто ж ты есть-то, аспид? То дворянским сыном пишеешься, то поповичем... Батогов захотел?

Дело пахло жареным, но Ломоносов уверял, что все «учинил с простоты своей» – и дело как-то замяли...

Пусть никто не думает, будто я хочу каким-то образом бросить тень на великого русского ученого. Просто-напросто, как говорится, из песни слов не выкинешь, что было, то было. И, если рассудить, если бы не это нахальное вранье, очень может статься, не было бы в славной истории науки российской столь титанической личности, как Ломоносов. Цель, уж простите, иногда все же оправдывает средства...

Тем более что учился Ломоносов в Марбургском университете всерьез и усердно: физике, математике, горному делу и многому, многому другому. Однако была у Михайлы страстишка, сохранившаяся на всю жизнь: долго и вдумчиво гулять в кабаке (и, будем откровенны до конца, всласть подебоширить). Впрочем, в этом плане он всего лишь следовал старым добрым традициям немецкого студенчества: бушевать, пьянствовать и безобразничать у «буршей» считалось прямо-таки обязанностью. Вот и шатались по тихим немецким городкам пьяные ватаги господ студюзов, колотили ночами в сковородки под окнами благонамеренных обывателей, в церкви вваливались во время свадеб и похорон, старательно все опошляя, стекла били, прохожих задирали, купеческие лавки громили, по погребам лазили.

Переменяя научные занятия с проказами, Ломоносов прожил в Германии более трех лет, успел даже жениться на Елизавете Цильх, дочери пивовара. (Пристрастие к исторической точности вынуждает меня упомянуть, что на сей раз своего батюшку Михайло объявил уже «купцом и торговцем».)

И вот однажды, по дороге в город Дюссельдорф, Михайло (богатырского роста и телосложения, если кто запомит) завернул в кабачок. А в кабачке – пир горой, дым коромыслом. Пировал со своими солдатами и новобранцами прусский офицер, занимавшийся вербовкой рекрутов, – и вскоре, присмотревшись к русскому великану, предложил выпить на халяву.

Какой русский человек от такого предложения откажется? И понеслось...

Между прочим, кому-кому, а прожившему чуть ли не четыре года в Германии Ломоносову следовало бы знать, что слава у прусских вербовщиков самая худая. Прусский король Фридрих Вильгельм I, питавший прямо-таки патологическое пристрастие к рослым солдатам (без тени сексуальности, я не о том!) рассылал своих агентов по всей Германии, наказывая не церемониться. Ну, они и не церемонились: хватили даже монахов, оказавшихся, на свою беду, немаленького роста, а заодно и неосторожных великанов-иностранцев, сдуру сунувшихся в пределы Пруссии. За границей они вели себя чуточку скромнее, но все равно в ход шли любые методы. Дошло до того, что в княжестве Гессен-Кассель нескольких изловленных прусских вербовщиков без особых церемоний повесили на площади...

Но ведь халява, господа мои! Кто откажется?

Похмелье выдалось – хуже не бывает. И дело тут было отнюдь не в головной боли. Открывши утречком глаза, Михайло обнаружил на шее форменный прусский галстук, а в кармане – прусские талеры. А стоявшие вокруг прусские солдаты его похлопывали по плечу и вполне дружески называли камрадом. Офицер ободрял:

– Такому молодцу, Михель, на королевской службе точно посчастливится! В капралы выслужишься, верно тебе говорю!

– Какие такие капралы? – охнул Михайло, содрогаясь от головной боли. – Какой я вам камрад? Я вовсе даже русский подданный!

Вахмистр ему вежливенько объяснил: мол, камрад Михель, ты вчера при нас, при свидетелях, записался на службу к прусскому королю, по рукам ударил с господином поручиком, задаток взял и половину уже пропил... Одним словом, добро пожаловать. Такого молодца и в кавалерию определить не грех, в гусары!

Что называется, приплыли... Солдаты разобрали ружья, предусмотрительно окружили новобранцев и повезли в Пруссию, в крепость Везель...

Качать права не было никакого смысла. За это по головке не гладили. Известна история с неким французским дворянином, которого самым беззастенчивым образом захватили прусские вербовщики. Когда он решил бежать и был пойман, бедолаге отрубили нос и уши, тридцать шесть раз прогнали сквозь строй и, приковав к тачке, загнали на каторгу, где он провел много лет...

Михайло Ломоносов, человек умный и обладавший к тому времени немалым жизненным опытом, быстренько смекнул, что *выступить* – себе дороже. И, наоборот, прикинулся, что чертовски рад военной службе. С самыми честными глазами и искренним лицом говорил новому начальству:

– Доннерветтер, а ведь мне у вас нравится! У гусар форма красивая, глядишь, и в самом деле в вахмистры выйду...

– А почему бы нет? – благосклонно глядя на ретивого новобранца, поддакивало начальство. – Это офицерами у нас могут быть только дворяне, а до вахмистра и купеческий сын может дослужиться. Зер гут, Михель! Исправным солдатом смотришься!

Правда, пруссаки доверяли камраду Михелю все же не настолько, чтобы отпустить его на квартиру (солдаты тогда, главным образом, располагались постоем в домах обывателей, что для последних было досадной повинностью). Ломоносов вместе с другими новобранцами обитал в крепости, в караульне – но решеток на окнах не было, и одно окно выходило как раз на крепостной вал...

В одну прекрасную ночь Михайла, дождавшись полуночи, выбрался из окошка, прополз мимо часовых, тихонько спустился с вала, тихонько преодолел вплавь заполненный водой крепостной ров, перелез через бревенчатый палисад, выбрался в чисто поле – и уж там припустил во всю прыть! Представляю себе...

Довольно скоро беглеца хватились, и вдогонку помчались кавалеристы. Но граница была недалеко, Михайла, коего всадники уже догоняли, успел-таки скрыться в лесу – а там уже начиналась соседняя суверенная Вестфалия. Правда, для пущей надежности беглец и на вестфальской территории долго еще пробирался лесом и кустарниками, целый день, и лишь на следующую ночь рискнул выйти на большую дорогу. Так и ускользнул от прусской солдатчины. А сложись несчастливее, и не было бы у нас Ломоносова...

Точно так же дурацкая случайность едва не привела к гибели великого писателя Вальтера Скотта еще во младенчестве.

У младенца была молодая нянька, а у няньки в стольном городе Эдинбурге имелся любовник, с коим она оказалась разлучена (поскольку адвокат Скотт с супругой обитали в отдаленной деревне). На почве большой и чистой любви у девицы определенно поехала крыша, и она рассудила просто: ежели некого будет нянчить, то ее, соответственно, отпустят из деревни.

Ну, и отнесла как-то младенца Вальтера утречком подальше от дома, прихватив ножницы, чтобы перерезать ему глотку – я ж говорю, крыша поехала...

К счастью для мировой литературы, у этой паршивки не хватило духу – отнесла дите домой и чистосердечно во всем повинилась: мол, хотела малютку зарезать ножницами, но он так безмятежно гугукал и так ясно улыбался, что рука не поднялась. Дуру моментально

вышибли – и даже не поколотили напоследок, что лично я нахожу совершенно неуместным гуманизмом... А малютка вырос и стал великолепным писателем.

И еще об одной случайности. В конце восемнадцатого века на российскую службу пытался поступить один молодой французский офицер, у которого на родине карьера что-то не клеилась. По какой-то позабытой причине его не взяли и в русскую армию. Звали этого офицера Наполеон Бонапарт. Тот самый, он там был один такой. Как сложилась бы европейская история, не окажись в свое время во Франции молодого и популярного генерала Бонапарта, можно только гадать... Масса интереснейших вариантов.

Итак, восемнадцатый век... А как в нем вообще жилось?

Судя по фильмам, неплохо. Интересно, романтично, увлекательно. Благородные герои в белоснежных манжетах и шитых золотом камзолах то несутся куда-то на лихих скакунах, то просаживают горы золота за карточными столами, то крутят романы с очаровательными дамами в пышных платьях с пикантными вырезами...

Да, еще дерутся на дуэлях – опять-таки изящно и романтично.

Никто не спорит. Так действительно тогда жили.

Кое-кто. Точнее, процентов десять населения – благородные дамы и господа, обладатели если не титулов, то хотя бы дворянских грамот. Дворяне. Они и в самом деле романтично скакали на красивых лошадях, звенели шпагами, крутили романы на маскарадах с фейерверками, непринужденно швыряли золото на карточные столы, словом, всячески наслаждались жизнью.

А вот остальные процентов девяносто, простые горожане и крестьяне, вели вовсе не романтическую жизнь, которую скорее следует назвать борьбой за выживание. Горожане вкалывали ради хлеба насущного, на лошадаках не носились, золото видели крайне редко (не говоря уж о том, чтобы пригоршнями его просаживать за карточными столами). Крестьянам приходилось и того хуже.

Честно говоря, врагу своему не пожелаю быть крестьянином в Европе восемнадцатого века.

В России, как мы знаем хотя бы из школьного курса, крестьян продавали точно так же, как попугаев в клетках, борзых щенков и галантерейный товар. Живое имущество. Ну, а как обстояло дело в те времена за пределами российских рубежей?

Знаете ли, немногим лучше...

В Польше (Речи Посполитой) панове шляхта точно так же могли распоряжаться своим одушевленным имуществом, то бишь «хлопами», как помещики в России – продавали, дарили, меняли на всякую дребедень. Этим, кстати, и объясняется та легкость, с которой три соседних государства – Россия, Австрия и Пруссия – в конце восемнадцатого века делили Польшу, словно именинный торт резали: весело и непринужденно, с циничными ухмылками и хамскими прибауточками, не встречая особого сопротивления. Крепостным землепашцам смена *главного* хозяина представлялась какой-то абстракцией, лично их не затрагивающей вовсе.

Вообще-то передовые умы Польши в конце концов начали робко заикаться, что крепостное право – пережиток средневековья, что не мешало бы и реформы провести... Но кончилось все пустой говорильней в польском сейме, то бишь парламенте, вялотекущей, аккурат в последние годы перед окончательным крахом польской государственности. И потому чуть позже, когда на отошедших к Австрии и Пруссии территориях благородные шляхтичи устроили священную войну за независимость, сотрясая воздух красивыми словесами, простой пахотный народ решил, что участвовать в очередной барской забаве ему как-то не с руки – а потому крестьяне мятежников ловили, вязали и предъявляли новому начальству. Чтоб не баловали, отвлекая со своей освободительной борьбой от сенокоса и обмолота...

В германских государствах крестьянин, в отличие от России и Польши, *вещью* уже не считался. Его нельзя было продать (по крайней мере, официально, а неофициально и в Германии бывало всякое, распрекрасным образом продавали втихомолку под предлогом «отдачи в услужение»). Однако крестьянин все же оставался *прикрепленным* к земле. Сбежишь с места постоянного жительства – розги в немалом количестве, а то и смертная казнь. Хочешь вступить в брак – иди за разрешением к своему помещику, а там уж, как он решит. Хочешь отдать детей обучаться ремеслу – опять-таки изволь сначала получить бумажку от герра помещика. На которого, кстати, приходилось работать несколько дней в неделю совершенно бесплатно – ага, та самая барщина, которая отчего-то считается чисто российской деталью быта. В Германии барщина составляла где два дня в неделю, где три, а где и все шесть. Чтобы обрабатывать собственный клочок земли, и ночь есть... И *оброк* германские крестьяне, кстати, платили точно так же, как российские – и натуральным продуктом, и деньгами. А неисправных плательщиков и вообще ослушников либо драли, как сидорову козу, либо часов на несколько выставляли на позор, усаживая на деревянного осла посреди городской площади.

Австрийская империя. В тех ее провинциях, что были населены немцами, жилось самую чуточку вольготнее. Там крестьяне были скорее арендаторами, платившими денежный оброк. Зато действовала масса сохранившихся со средневековья повинностей: ну, например, всякий австрийский помещик имел право заявиться к любому крестьянину на своей земле и забрать сына в батраки на свои поля, а дочку – в прислуги. И попробуй откажись...

В провинциях, населенных чехами, жилось еще тяжелее. Тамошним крестьянам запрещалось без разрешения сеньора: покидать поместье, вступать в брак, отдавать детей учиться ремеслу, носить и вообще иметь любое оружие, даже ловить рыбу и собирать хворост (поскольку все леса и рыбные ловли – собственность помещика). Молоть зерно следует исключительно на господской мельнице, печь хлеб – не у себя дома, а в господской пекарне, пиво покупать – только у барина. Ну, и налоги. И барщина. И прочие сомнительные удовольствия.

В Венгрии, пребывавшей тогда под властью Вены, – все то же самое, только в десять раз хуже...

В Италии, где синее небо и апельсины, крестьянину опять-таки жилось как на каторге. Земля в основном принадлежала дворянам, сдававшим ее в аренду – и в качестве платы тамошний «синьор мужик» порой отдавал *три четверти* урожая. Поборов – масса. Хочешь держать кур и свиней – плати. Хочешь зарезать свою собственную корову – плати. Хочешь выбросить накопившийся мусор – плати. Берешь воду из реки – плати, река не «общая», а непременно дворянская... В общем, все то же самое – землешапец, конечно, не вещь, продать его нельзя, и в картишки уже не продуешь, но этот «свободный» человек в феодальных повинностях по уши, как в болоте. А на Сицилии вдобавок уже в те времена действовала *мафия*: у каждого крупного землевладельца – своя банда головорезов, и, ежели свободный пахарь вздумает качать права... в общем, вспомните итальянские боевики, только автоматы замените на шпаги, от чего разница, в принципе, невелика.

В Испании – та же картина. Лично свободные крестьяне только в виде арендной платы за землю отдают половину урожая – а ведь есть еще масса других поборов...

Во Франции господа всю забавляются охотой на все, что бежит и летает. Блестящие кавалькады тех самых кавалеров в кружевных манжетах и прекрасных дам в декольтированных платьях весело травят зайцев борзыми и охотятся на куропаток на крестьянских полях. Такая уж у них старинная привилегия, еще со времен крестоносцев. Крестьянин, кроме того, не имеет права убивать зайцев и куропаток, которые пасутся на его полях – и не имеет права строить изгороди (мешать охоте!). В некоторых местах запрещалось даже урожай убирать, пока куропаточки птенцы не окрепнут и не станут летать: барская охота превыше всего...

Ну, и масса других повинностей и поборов. Так стоит ли удивляться, что на протяжении всего восемнадцатого века Европу прямо-таки трясло от крестьянских восстаний? Размах был лишь самую малость поменьше пугачевского...

Ах да, была еще Англия, островок свободы и заповедник вольности...

В некоторых отношениях там и в самом деле жилось чуточку вольготнее. Существовал, например, закон «Хабеас корпус», по которому человека нельзя ни за что ни про что держать в тюрьме – уже максимум через сутки его непременно следует предьявить судье, чтобы тот рассмотрел, по какой такой причине мирного гражданина ввергли в узилище.

Вот только на протяжении восемнадцатого века этот закон официальным образом приостанавливался не менее десяти раз, и всякий раз – не менее чем на год, а то и подольше...

Крепостного права не было, верно. И самых кондовых феодальных повинностей – тоже. Но большая часть крестьян была не собственниками, а опять-таки арендаторами, и в любой момент их могли буквально вытряхнуть под открытое небо. Иди куда хочешь с домочадцами и скарбом, ты ж человек свободный, никто тебя удерживать не имеет права... Почитайте английских классиков. Например, Томаса Гарди, там подобные случаи наглядно описаны...

Крепостничества, в общем, нет. Зато есть *лендлорд* – местный землевладелец-олигарх, который для всей округи царь и бог. Поскольку сплошь и рядом он еще не только местный помещик, но и местный судья, местный шериф (у которого в те времена прав было даже поболее, чем у американского шерифа), и местный священник, и местный депутат парламента. Попробуй пободайся, ежели охота...

И, между прочим, любой местный судья обладает широчайшими полномочиями. Предположим, в каком-нибудь провинциальном местечке собралась толпа местных жителей, легонько нарушающих общественный порядок – то ли крестьянское возмущение из-за налогов, то ли просто сэры перепили в базарный день и решили малость побуянить...

Так вот, достаточно судье объявиться перед обывателями, протараторить скороговоркой несколько параграфов «Закона о мятеже» – и местная полиция на законнейшем основании может палить в толпу из всех видов огнестрельного оружия, нимало не озабочиваясь наличием там женщин и детей. И полицейским за это ничего не будет, хоть всех до единого перестреляй – «Закон о мятеже» прочитан, так что формальности соблюдены. А то, что в задних рядах, очень может оказаться, и не расслышали, что там судья бормочет, – дело десятое...

В том же восемнадцатом столетии, при наличии отсутствия крепостного права, шахтеры, случалось, работали в железных ошейниках. Не все, но случалось. О чем немало писали английские историки и писатели, отнюдь не левые: если попадетсся роман под названием «Камероны», прочитайте, не пожалеете. Лишитесь кое-каких иллюзий касаясь «старейшей в Европе» демократии.

Но самое скверное все же, что только имелось в восемнадцатом веке, – это сохранившаяся с феодальных времен неприглядная штука под названием «сословные различия». Что это означало на практике?

Да то, что существовала такая *пирамида*, где на ступеньках один над другим стояли сословия – выше всех благородное дворянство, а ниже него – все остальные. И люди исключительно в силу своего происхождения были *обречены* занимать отведенную им ступеньку. Хорошо, если она оказывалась верхней. А если – нижней?

Тогда – ничего хорошего. Как бы умен, благороден душой и какими бы талантами ни был одарен *низший*, он обречен был оставаться человеком второго сорта. В любой момент какая-нибудь тупая, надутая скотина (к счастью своему, обремененная длинной родословной) могла процедить через губу:

– Пшел, быдло...

И приходилось смиренхонько отступать, кланяясь – таково уж устройство жизни...

Тогдашняя жизнь больше всего напоминала шахматную доску – где *пешки* предельно ограничены в передвижении и возможностях, в отличие от более благородных фигур. Если кому-то случится перечитывать «мушкетерскую» трилогию Дюма, советую обратить внимание, как благородные дворяне, Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян, относятся к тем из окружающих, кто благородным происхождением похвастаться не может. Арамис «ударом кулака отбрасывает» горожанина, имевшего неосторожность чуточку забрызгать его грязью. Д'Артаньян, верхом на лошади мчавшийся куда-то по неотложным делам, сшиб горожанина «и не подумал останавливаться ради такого пустяка» (между прочим, горожанин этот был не простой булочник или фонарщик, а член Парижского парламента, в переводе на наши современные реалии – член Верховного суда Российской Федерации) – но какая разница? Главное, не дворянин.

Самое грустное, что мушкетеры так поступают не специально, не по черствости души – они просто-напросто на автомате делают то, что благородному господину *положено*...

Жили они, правда, в семнадцатом столетии – но и в восемнадцатом во Франции обстояло точно так же, а лондонская «золотая молодежь» калечила попавшихся на пути простолюдинов исключительно из спортивного интереса...

В Пруссии, как уже говорилось, офицером мог стать только дворянин. Во Франции полки (если не считать пары-тройки особо привилегированных, находившихся на содержании казны) были частной собственностью своих полковников. Полковник на свои деньги кормил, одевал, содержал солдат. И всегда мог свой полк продать за приличную сумму, а располагающий этой суммой (при условии, что он был благородного происхождения) мог этот полк законным образом купить, и в одночасье из «простого» графа стать графом. Таким-то, полковником. Поскольку – престижно. Военный опыт при этом абсолютно не требовался.

В Англии патенты на офицерские чины совершенно официальным образом продавали вплоть до конца девятнадцатого столетия. Единственное условие, кроме, конечно, обладания соответствующей суммой, – благородное происхождение (отсутствие военного опыта опять-таки не имеет никакого значения).

«Ну и что? – пожмет плечами какой-нибудь пацифист. – Что в таком порядке вещей плохого? В армии можно не служить...»

А если вы, сударь мой, из *простых*? Тогда вас все равно загребут вербовщики, или просто-напросто мелкий германский князек, отчаянно нуждаясь в деньгах, велит мобилизовать тыщонку-другую подданных и продать их какой-нибудь великой державе. Именно так обстояло в свое время с уроженцами германского Гессена, которых тамошний владетель продал Англии, а та послала их в Америку воевать с восставшими колонистами...

Между прочим, в некоторых итальянских государствах законнейшим образом существовали два вида судов: один для дворян (не в пример более гуманный), другой – для всех прочих. А там, где суд был один для всех, в законах черным по белому было написано, что судья обязан «учитывать сословное происхождение обвиняемого». Благородных, как легко догадаться, особо не притесняют, а вот прочим отмеривать на всю катушку...

Масса профессий, масса должностей и государственных постов была просто-напросто недоступна для тех, кто дворянскими грамотами не обладал. Редчайшие исключения лишь подчеркивали правило.

А потому такой размах получило самозванство – то бишь самовольное присвоение дворянства. Сплошь и рядом те, кто без законных на то прав выдавал себя за дворян, поступали так не из каких-то шкурных или криминальных соображений, а попросту хотели считаться полноправными, полноценными людьми...

К слову сказать, в восемнадцатом столетии такое самозванство сплошь и рядом процветало. Главное было – перебраться подальше от родных мест, чтобы не столкнуться с

земляками. А еще лучше – переехать в другую страну и уже там назваться дворянином, да не простым, а бароном или графом.

Тот самый капитан королевских мушкетеров де Тревиль, которого Дюма вывел в «Трех мушкетерах», на самом деле вовсе не Тревиль, да и прав на дворянскую приставку «де» не имел ни малейших. Поскольку до тех пор, как отправиться в Париж искать удачу, звался «Труавиль» и был сыном простого торговца – почтенного человека, честного, уважаемого в родном городке, но к дворянству нисколько не прикосновенного.

Из Гаскони (захолустная окраина французского королевства, тамошнего Урюпинска) уехал молодой человек Труавиль – а через пару-тройку недель в Париж прибыл тот же самый вьюнош, но звавшийся уже «шевалье де Тревиль», якобы потомок старинного рода, происходившего чуть ли не от крестоносцев. Что характерно, у него при себе был ворох подтверждавших это бумаг, достаточно ветхих на вид...

И – ничего. Проехало. Когда де Тревиль сделал неплохую карьеру при дворе, никто уже не рвался вдумчиво исследовать его родословную – тем более что это грозило встречей в темном переулке с буйными подчиненными де Тревиля, которым проткнуть шпагой человека было все равно что другому стакан вина выпить...

Кстати, реальный д'Артаньян (дворянин хотя и настоящий, но не титулованный), однажды стал графом буквально в одночасье – не в результате королевской милости, а по собственному хотению. В одно прекрасное утро мило и непринужденно заявил, что он, знаете ли, граф, а потому и обращаться к нему нужно соответственно. Поскольку гасконец был в те времена в большой милости и у короля, и у всемогущего первого министра кардинала Мазарини, вслух протестовать против подобных геральдических сюрпризов ни у кого язык не повернулся. Покрутили головами, махнули рукой и в конце концов как-то свыклись: одним графом меньше, одним больше – какая, в принципе, разница...

Коли уж мы мимоходом упомянули о суде, нелишним будет рассказать и о тюрьмах с казнями...

Пытки и в восемнадцатом веке считались обычными следственными мероприятиями, прямо-таки рабочими буднями – и вот в *этом* отношении дворяне и простолюдины пользовались одинаковыми правами. Точнее говоря, при необходимости на дыбу вздергивали и лошадьми рвали на части при большом скоплении народа что мельника, что графа...

В Пруссии пытки отменил в 1754 г. Фридрих Великий – но и после этого еще долго пороли розгами и прогоняли сквозь строй.

В Великобритании только в 1802 г. с Лондонского моста убрали железные кольца – а до этого на них для всеобщего обозрения выставляли головы казненных.

Вообще английская Фемида заслуживает отдельного разговора – о том, какие зверства происходили на континенте, мы, в общем, наслышаны, а вот добрую старую Англию отчего-то многие безосновательно полагают райским уголком, где с правами человека, гуманностью и прочими умильными вольностями все обстояло прекрасно и триста лет назад...

Ага, держите карман шире...

Начнем с того, что в восемнадцатом веке в Англии примерно 350 видов преступлений карались смертной казнью. И виселица, в частности, ждала любого, кто украдет добра более чем на пять шиллингов.

Много это или мало? В одном из английских романов восемнадцатого столетия героиня, служанка из зажиточной, но не особенно богатой семьи (хозяин – не лорд и не герцог, простой сельский помещик) купила у другой служанки воротник из дешевых кружев для выходного платья. И заплатила за него *семь* шиллингов.

Вот вам и мерка. Укради воришка с веревки этот вывешенный для сушки служанкин воротник – и виселица ему обеспечена... Между прочим, документально зафиксированы в то время казни четырнадцатилетних детей. По суду, по закону. Как бы ни костерили Россий-

скую империю, но подобного в ней все же не случалось – да и в других европейских странах тоже.

В знаменитой лондонской тюрьме Ньюгейт существовала так называемая «давилня». Тех, кто отказывался признать себя виновным, несмотря на улики и свидетельские показания, приковывали к полу, на грудь клали деревянный щит, а уж на него наваливали железные болванки – пока бедолага не умирал. Эта жуткая процедура, официально именовавшаяся «казнью через давление», была отменена только в 1734 г.

Восемнадцатый век, повторяю снова и снова, – самое причудливое сочетание несовместимых, казалось бы, вещей. Когда в Лондоне все же перестали выставлять на кольях головы казненных, громче всех против этого протестовали вовсе не безграмотные завсегда-таи дешевых кабачков, а интеллектуалы высшей марки вроде Сэмюэля Джонсона и Босуэла – они, знаете ли, полагали, что подобная «наглядная агитация» оказывает нравоучительное действие и служит, говоря современным языком, профилактике преступлений. Хотя уже в те времена было прекрасно известно, что наибольшее число карманных краж случается как раз в толпе, собравшейся поглазеть, как вешают карманного вора...

Тогдашняя Англия была единственной страной в Европе, где законным образом вешали детей – и одной из немногих европейских стран, где действовал выбранный парламент. У этого учреждения была масса недостатков. Избирательные права в ту пору имело процентов двадцать населения, не более того. Система избирательных округов была нелепой и несовершенной. Например, во множестве имелись так называемые «гнилые местечки» – давным-давно пришедшие в запустение городки и деревни, где насчитывалось от силы полтора полноценных избирателя – но этакий «округ» мог посылать депутата в парламент. А какой-нибудь город с населением тысяч в десять человек – не мог. Такова уж сила старинных традиций: беда данного города в том, что он был слишком молод, а значит, старыми привилегиями не охвачен.

Парламентом управляли прожженные политики, далекие от ангельской честности. Взятки в те патриархальные времена брали чуть ли не в открытую. И тем не менее даже такой парламент был шагом вперед, поскольку уже не позволял королю распоряжаться казной по своему усмотрению, да и кое-какие гражданские права помогал отстаивать.

Точно так же обстояло и в Швеции. Тамашние парламентарии открыто делились на «прусскую партию», «английскую», «русскую», «австрийскую» – то есть публика прекрасно знала, какая страна которого депутата содержит за то, что он «пробивает» нужные ей решения. Но и этот купленный оптом парламент все же ограничивал королевскую власть ощутимым образом.

Другие европейские державы и таким парламентом не могли похвастать. Что касемо Франции, слово «парламент» не должно нас обманывать: парижский парламент был не собранием выборных депутатов, а, как я уже говорил, неким подобием верховного суда, который в числе прочего регистрировал королевские указы, после чего они приобретали силу писаного закона. Еще во времена д'Артаньяна и кардинала Ришелье у парламента было право эти самые указы обсуждать и даже, вот разврат, отклонять – но к восемнадцатому веку французские короли покончили с таким разгулом демократии. Места в парламенте, кстати, опять-таки покупались и продавались законно и открыто.

Так что короли творили все что хотели. А заодно и их первые министры. Когда мне попадаются в современной печати особенно гневные выпады против погрязших в коррупции нынешних министров, порой вместо возмущения появляется этакая философская грусть и приходят на память слова библейского пророка о том, что все уже было под этим солнцем...

Вот вам не уникум какой-то, а, можно сказать, типичный представитель вороватых премьер-министров восемнадцатого столетия – французский кардинал Дюбуа, первый министр

короля Людовика XV, того самого «Короля-Солнца», что говаривал: «После нас хоть потоп». Полный список его годового дохода в свое время привел тот же герцог Сен-Симон.

Начнем с бенифиций. За этим красивым словом скрывается всего-навсего доход, получаемый с какого-нибудь города, аббатства, имения, провинции. Была такая королевская милость – раздача любимчикам помянутых бенифиций. Что, между прочим, наглядно свидетельствует о некотором прогрессе в области государственного управления: даже в самые коррупционные недавние годы немыслимо было представить, чтобы Ельцин в виде милости дал Чубайсу право получать все годовые доходы с Ленинградской области, а Немцову – с Красноярского края. Все же прогресс налицо, дамы и господа, нынче вам не восемнадцатый век...

Но вернемся к нашему кардиналу. В год он получал:

В виде бенифиций – 324 000 ливров.

Жалованья как первый министр – 150 000 ливров.

Жалованья как «министр связи», т. е. суперинтендант почт – 100 000 ливров.

А кроме того, ежегодная пенсия от Англии – 960 000 ливров.

Итого – полтора миллиона в год. Тогдашний ливр – увесистая серебряная монета. И вновь – много это или мало?

Давайте посмотрим. Пехотный капитан получал в месяц 75 ливров жалованья (это в мирное время, в военное – около сотни). Квалифицированный ремесленник – от 300 до 600 ливров в год. Мужские башмаки стоили 3 ливра, курица – ливр, три кило говядины примерно ливр. Десять литров вина – ливр.

Одним словом, господин кардинал, как легко догадаться из приведенных цифр, катался словно сыр в масле...

В перечне его доходов особенно примечательно выглядит графа «пенсия». Был в восемнадцатом столетии такой пикантный обычай: какое-нибудь иностранное государство самым что ни на есть официальнейшим образом платило высокопоставленному сановнику эту самую пенсию, «пенсион», как тогда говорили. Это было в порядке вещей, криминалом не считалось и обществом воспринималось не с осуждением, а скорее с завистью. Ну, а то, что при этом означенный сановник принимал решения, более всего полезные для того государства, что платило ему пенсион, было, конечно же, не более чем случайным совпадением...

Практика была общеевропейская. Англичане платили пенсион французскому первому министру, французы (вместе с англичанами) – русскому канцлеру Бестужеву. Пол-Европы – шведским парламентариям, польской шляхте... Время было незатейливое, все делалось открыто...

В том же восемнадцатом столетии турецкий султан Осман III придумал довольно эффективный метод борьбы с коррупционными устремлениями своих премьер-министров. Первый министр (или, согласно турецкому слову, визирь) у Османа задерживался на своем высоком посту в среднем не более полугода. После этого Осман без всяких расследований и возни с бухгалтерскими книгами отправлял визиря в отставку (причем, отметим, голову не рубил и в темницу не упрятывал), а все его немаленькое состояние забирал в казну. Что любопытно, никакими такими «незаконными репрессиями» и не пахло – поскольку за эти полгода визирь успевал нахапать немеряно. Что еще более любопытно, новый визирь прекрасно знал о судьбе предшественника – но все равно соглашался занять высокий пост. А заняв, тут же запускал лапу в государственные финансы и брал взятки всеми четырьмя конечностями. Логика такого поведения лично мне решительно непонятна – ну на что тут можно было надеяться?!

К сожалению, европейские державы эти прогрессивные антикоррупционные меры не спешили перенимать – за исключением России, где подобное порой применялось (в отношении того же Меншикова)...

Вообще, Осман III остался в истории как открыватель многих оригинальных приемов контроля – которые в последующие столетия беззастенчиво заимствовали многие искавшие популярности деятели. Любил, например, Осман, переодевшись самым что ни на есть стамбульским простолюдином, побродить по рынку и, оставаясь совершенно неузнанным, посмотреть, как, говоря канцелярским языком, производится торговое обслуживание населения (за двести пятьдесят лет до Ельцина!).

Представляю себе эту картину. Какой-нибудь торговец хурмой, беззаботно насвистывая, орудует гирями. Тут из толпы к нему протискивается потертый неприметный турок и говорит укоризненно:

– Почтенный, а отчего это у вас гири какие-то легковатые? И почему вы хорошую хурму только наверх кладете, а снизу давленную подсовываете?

Ну, и что такому вездливому критику ответит пузатый базарный абориген? Разумеется, пошлет по матушке, благо турецкий язык в этом отношении крайне богат и выразителен...

Тут потертый выпрямляется во весь рост и, грозно сверкая глазами, рычит:

– Как со своим султаном разговариваешь, мошенник?

А из-за угла уже спешат янычары с ятаганами наголо. Кранты труженику прилавка...

Любил султан Осман подобную популистскую деятельность. Особенно развернуться он не успел, поскольку просидел на троне всего три года, но, заметьте, умер своей смертью, что с турецкими султанами случалось, в общем, редко...

Турцию я затронул умышленно – в те времена она с полным на то правом относилась к Европе, поскольку владела значительными европейскими территориями, да и Стамбул, бывший Константинополь, большей частью не в Азии расположен. И вообще, за столетия в Турцию попало в качестве невольников и прижилось там столько русских, что и к этой державе, как к Израилю, по-моему, применима строчка Высоцкого: «Там на четверть бывший наш народ...»

Но покинем пока что Турцию и обратим свой пытливый взор на территории, расположенные к северу от нее. Поговорим о еще одном причудливом сочетании несовместимых явлений, на которые был так богат восемнадцатый век, превосходивший в этом плане все прочие столетия...

С одной стороны, восемнадцатый век по праву именуют Веком Просвещения. До всеобщей грамотности было еще далеко, но все же наука, образование, книгопечатание перестали быть уделом немногочисленной кучки «книжников», распространяясь по сравнению с прошлыми временами не в пример шире. Книжки резко подешевели и уже не были более предметом роскоши – а вдобавок появились газеты и масса «малоформатной» печатной продукции: политические памфлеты, разнообразнейшие брошюры (мало напоминавшие неподъемные фолианты прежних лет, которыми без труда можно было и человека убить, ошарашив по темечку).

С другой... Именно восемнадцатый век стал той питательной средой, на которой пышным цветом красовались многочисленные авантюристы совершенно новой формации. В семнадцатом веке таких еще не было, в девятнадцатом – уже не было. Колоритнейшие личности странствовали тогда по Европе...

Ранешние мошенники предпочитали скромненько держаться на теневой стороне улицы. Алхимики, надвинув шапку на глаза, тихонечко стучались в ворота к какому-нибудь князю или графу и смиренно вопрошали:

– Ваша светлость, вам золота из мусора не наделать? Чистейшего, не сумлевайтесь...

Точно так же вели себя и многочисленные пройдохи всех прочих специальностей: «великие лекари», обладатели совершенно достоверных карт, где крестиками отмечены зарытые в незапамятные времена несметные сокровища. Обработывали намеченную жертву, больше всего боясь привлечь к себе общее внимание, – и старались, набив карман (если удавалось), побыстрее раствориться в полной безвестности, пока полиция не набежала.

В восемнадцатом веке все изменилось. Авантюристы высшей марки, наоборот, старались привлечь к себе внимание, заставить о себе говорить «весь Париж», демонстративно *выпендривались*, рекламируя себя с превеликим шумом.

Быть может, в этом сочетании – век просвещения и самые беззастенчивые авантюристы – и нет никакого противоречия. Быть может, опять-таки прав Фридрих Великий (см. эпиграф), и все дело в двойственности человеческой природы, от которой никуда не деться...

Точное число всевозможных шарлатанов, болтавшихся по Европе, разумеется, неизвестно. Но над всеми над ними такими исполинскими горными вершинами поднимаются три фигуры: Казанова, Калиостро и Сен-Жермен. Это и в самом деле звезды первой величины, суперстар. Более-менее подробный рассказ о восемнадцатом столетии немислим без повествования об этих незаурядных личностях, чьи судьбы – готовый материал для приключенческих романов...

Джованни Казанова, он же благородный дворянин де Сенгальта, родился в веселом городе Венеции, где процветала едва ли не самая жуткая тайная полиция в Европе, но в то же время город был сущим раем для прожигателей жизни и всевозможных авантюристов обоего пола: игорные дома, театры, гремевшие на всю Европу маскарады и карнавалы, очаровательные златовласые шлюхи (опять-таки, если верить современникам, самые лучшие и самые дорогие в Европе)...

«Де Сенгальта» – это, конечно, совершеннейшая *туфта*. Казанова в дворяне произвел себя сам по обычаю того времени. Касательно его отца и матери до сих пор нет полной ясности (по причине длинного списка кандидатур), но одно установлено неопровержимо: благородным происхождением они похвастать не могли...

Вообще-то Казанова получил отличное гуманитарное образование в Падуанском университете, где в шестнадцать (!) лет стал доктором права, а вскоре после этого был посвящен в духовный сан – получил звание аббата с правом читать публичные проповеди. В Италии и Франции того времени аббат не был «прикреплен» к какому-то приходу, не числился официально на церковной, если можно так выразиться, службе и даже не носил рясу. Вспомните аббата Арамиса у Дюма, который ходит в обычной одежде, носит шпагу и ввязывается в дуэли – Дюма в данном случае несколько не погрешил против исторической правды, аббат имел полное право именно так жить...

Казалось бы, неплохой старт для нешуточной карьеры? Но беспокойная натура венецианца быстро дала о себе знать. Почтенные мамышки несколько не боялись оставлять юных дочек наедине с «господином аббатом» – и Казанова этим быстренько воспользовался на всю катушку, старательно обучая девиц искусствам, ничего общего не имевшим с молитвой.

С проповедями тоже как-то не заладилось с самого начала: первую наш герой еще кое-как прочитал, но на вторую заявился вдрызг пьяным и понес откровенную чушь с кафедры. Дело кое-как замяли, но вскоре не кто иной, как покровитель Казановы, епископ, застал в его постели очередную красотку (по другим версиям – не красотку, а соученика по семинарии).

Это было уже чересчур, и приткого аббата лишили сана. Тогда Казанова распустил слух, что он якобы служил в испанской армии офицером (тут-то и появился на свет «де Сенгальта»), и со службы был вынужден уйти из-за дуэли. Благодаря чему и получил чин лейтенанта венецианской армии.

Но и там не заладилось: в полковники производить начальство что-то не торопилось, воинская дисциплина осточертела, карточные долги достигли немислимых размеров...

Пришлось выйти в отставку. Но тут Казанове неожиданно повезло: по Венеции распространился слух, что он с помощью некоего чуть ли не сверхъестественного врачебного мастерства форменным образом поднял из мертвых одного богатого и влиятельного патриция.

На самом деле все обстояло куда как прозаичнее: у старика случился сердечный приступ, позвали лучшего в Венеции врача, и этот эскулап зачем-то поставил хворому ртутный компресс, который больному сердцу необходим не более, чем корове седло. Казанова, подчиняясь некоей интуиции, компресс этот выкинул к чертовой матери и обмыл грудь больного. Старик, которому «лучший эскулап Венеции» отвел пару часов жизни, неожиданно поправился – как частенько случается с теми, кто пренебрегает услугами «лучших эскулапов»...

И решил, что молодой Казанова – чуть ли не колдун. Иначе почему лучший врач не помог, а бывший лейтенант исцелил в два счета?

Казанова, скромненько опустив глаза, только поддакивал: ну да, он и врач, и, между прочим, чародей, и сверхъестественными способностями наделен, и прорицает иногда, благодаря магическому «ключу Соломона», полученному от некоего испанского святого отшельника...

У патриция Брагадина были двое друзей – такие же старые, такие же богатые и такие же легковверные (хотя тот же Брагадин в свое время долго служил в венецианской инквизиции, каковой пост лишней доверчивости не способствует). Распустивши перед ними хвост, «великий маг» дурил эту троицу ровным счетом три года. Дошло до того, что Брагадин его официальным образом усыновил и содержал – а Казанова в благодарность все эти годы снабжал «папашу» прорицаниями и плел с три короба о разных оккультистских заморочках. В те времена рехнувшихся на всевозможной эзотерике субъектов, готовых платить немалые деньги любому мошеннику с хорошо подвешенным языком, было ничуть не меньше, чем сейчас...

Так бы жил-поживал и горя не знал наш герой, но случилась неприятность: угораздило его соблазнить подружку некоего грека. Грек в отместку подпилит мостик, перекинутый через сточную канаву (прекрасно знал, что Казанова там проходит каждый вечер) – и Казанова, свалившись в ров, долго бултыхался по уши в дерьме.

Ну, и решил отомстить качественно. Пошел на кладбище, выкопал свеженького покойника, отрезал у него руку и темной ночью забрался к греку в спальню, стал стаскивать с него одеяло. Спящий проснулся, стал в потемках шарить руками вокруг – тут-то Казанова и подсунул ему рученьку мертвеца...

Грека хватил удар. Полиция Казанову быстренько вычислила и предъявила обвинение в осквернении могил, а заодно и в попытке изнасилования несовершеннолетней. Что до последнего, то дело темное: сам Казанова уверял, что эту двенадцатилетнюю паршивку мамаша ему сама продала за пару монет, а когда он решил попользоваться законно купленным товаром, девчонка начала брыкаться, ну, и пришлось ей врезать пару раз – деньги-то плачены...

В общем, из Венеции пришлось скоренько улепетывать. В Милан. Там Казанова занялся опять-таки чародейством: взялся изгонять злых духов, якобы посещавших огород одного богатого крестьянина. А поскольку у того оказалась четырнадцатилетняя смазливая дочка, то «чародей» ухитрился как-то убедить папашу, что для успеха задуманного предприятия он должен лишить красотку невинности. Самое смешное, что папаша «чернокнижнику» поверил и с глубоким вздохом согласился:

– Ну ладно уж, синьор, коли того требует черная магия... Вы уж только поаккуратнее как-нибудь...

Пусть читатель не думает, что я все это выдумал. Так и было. Правда, девица осталась нетронутой – так уж сложились обстоятельства. Поскольку денежки надо было отработать

вать, Казанова в сопровождении всех заинтересованных лиц поперся ночью на огород, прихватив свой «магический реквизит» – но тут случилась жуткая гроза с молниями и громом.

На дворе как-никак стоял восемнадцатый век – и суеверный Казанова решил, что и впрямь столкнулся с высшими силами, которые ему таким образом выражают свое неудовлетворение. Придумал какую-то сказочку, выбросил «реквизит» и быстрехонько убрался из этих мест. История умалчивает, была ли девица обрадована тем, что осталась нетронутой, или, наоборот, разочарована...

А Казанова принялся колесить по Европе, повсюду представляясь, уже привычно, великим прорицателем, властелином духов и заклинателем нечистой силы. Где бы он ни объявлялся, везде зашибал этим способом приличные денежки. В Париже все сложилось настолько удачно, что венецианец даже отобедал с королевой и содрал кругленькую сумму за предсказания с королевской племянницы.

Да вдобавок развел на приличные деньги пожилую маркизу д'Юрфе. Старушке пришла в голову совершенно шизофреническая идея: в следующей, извините за выражение, реинкарнации родиться уже не женщиной, а мужчиной.

Положа руку на сердце: ну как не воспользоваться таким случаем? Казанова развернулся на славу. Для начала помог маркизе отправить письмо на Луну, тамошнему духу-гению, чтобы подмогнул с перерождением.

Судя по сохранившимся описаниям, это был великолепно срежиссированный и поставленный спектакль: в огромном чане с водой плавали тлеющие, распространяющие одуряющий запах можжевельные ветки, Казанова торжественно и звучно читал заклинания (голый, как Адам, в компании столь же голой маркизы), лунный свет загадочно лился в комнату...

Собственноручно написанное маркизой послание сгорело в чане – и тут же неведомо откуда в воду упал ответ (Казанова его, как легко догадаться, украдкой подбросил). Маркиза впала в совершеннейший экстаз...

Выяснилось, что перерождение, в общем, штука нехитрая: Казанова, как он сам подробно объяснил, найдет подходящую девственницу, проделает с ней определенные магические процедуры, а когда через девять месяцев на свет появится младенец, госпожа маркиза его поцелует и тут же помрет, и душа ее в означенного младенца немедленно переселится...

Девственницу Казанова быстренько отыскал – и в присутствии маркизы совершил с ней магическую процедуру (с точки зрения не верящего в магию, как две капли воды напоминавшую обычный бурный секс).

Но потом начались нескладушки. «Девственница» (та еще штучка), начала ныть, что Казанова ей что-то очень уж мало отстегнул из полученных от маркизы денежек. А родственники маркизы, люди здравомыслящие, начали всерьез интересоваться, за какие такие процедуры этот сомнительный итальянец взял с тетушки кучу денег (которые, между прочим, именно им по завещанию должны достаться)?

В общем, «чародею» пришлось срочно смываться. Однако к тому времени маркиза заплатила кучу карточных долгов Казановы и оплатила выписанные им подложные векселя – да вдобавок отдала «магу» фамильных драгоценностей на шестьдесят тысяч ливров. Улов неплохой...

Казанова подался в Женеву, где неведомо с какого перепугу хотел было поступить в монахи, но познакомился в гостинице с очаровательной незнакомкой и направил усилия в совершенно другом направлении.

Его носило по Европе, как ветер гоняет старую газету: Австрия, Германия, Франция, Италия, Испания. Из Флоренции выслали за какую-то темную историю с подложным векселем. В Мадриде сажали в тюрьму за незаконное хранение оружия. За что полиция его выслали из Вены и Парижа, толком не интересовался, но вряд ли мы в данном случае имеем дело с «жертвой незаконных репрессий»...

На бегу из одной столицы в другую Казанова завернул в Берлин, где попытался очаровать короля Фридриха Великого. Поговорив с ним о философии, начал себя рекомендовать с наилучшей стороны: он-де и специалист по разбивке парков, и инженер-гидравлик, и великий финансист, и большой знаток военного дела...

Вот «знатока военного дела» как раз и не следовало изображать перед одним из лучших полководцев Европы, в особенности когда сам в этом ни черта не смыслишь! Умнейший Фридрих насторожился, от услуг «финансиста» и «гидравлика» отказался мягко, но решительно. Единственное, что он гостю предложил, – место воспитателя в кадетском корпусе...

До глубины души оскорбленный тем, что ему, великому магу и чернокнижнику, предложили столь ничтожный пост, Казанова распрощался с Фридрихом и подался в Россию. Поскольку прохиндей он все же был фантастический, то трижды встречался с Екатериной II. Предложил ей кучу проектов – от разведения шелковичных червей до реформы российского календаря, а также планы колонизации Поволжья и Сибири, импорт овец из Шотландии...

Кстати, волею случая он оказался нечаянным пророком: в одном из прожектов писал, что хорошо было бы России ввозить сельхозпродукцию из Америки. Согласитесь, что именно так сейчас и обстоит...

Но, в общем и целом, в России ему повезло еще меньше, чем в Пруссии: Екатерина, женщина большого ума, ласково улыбалась заезжей знаменитости и охотно беседовала о высоких материях, но никакого теплого местечка (даже воспитателя в кадетском корпусе) так и не предложила. Пришлось собирать чемоданы и убраться восвояси...

Наш герой еще долго болтался по Европе, обирая доверчивых простаков, но, постарев и утратив прежнюю ловкость, вернулся на родину, в Венецию, где от лютого безденежья подрабатывал штатным осведомителем инквизиции. Потом его вновь из Венеции выперли за какой-то сатирический памфлет – и закончил он свои дни в Чехии, библиотекарем у графа Вальдштейна...

Никчемный был человек, если разобраться. Но все же ухитрился занять местечко в Истории – благодаря, в первую очередь, не сомнительной деятельности в качестве «прорицателя» и «чернокнижника», а из-за своих неисчислимых побед на любовном фронте. Даже само слово «Казанова» стало нарицательным – а это, согласитесь, кое-что да значит...

Вдумчиво исследовавший эту сторону биографии Казановы испанец Круус насчитал 132 возлюбленных пылкого венецианца: 15 представительниц королевских домов Европы, 18 благородных дворянок, семь актрис, три монахини, три певицы, четыре куртизанки, шесть танцовщиц, 24 служанки, 6 крестьянок, 11 проституток – да вдобавок некую русскую крепостную девицу и вроде бы жену какого-то турка из Константинополя (Казанову и туда заносило).

Ну, что тут скажешь? Как выразился в подобной, связанной с интимом, ситуации И. В. Сталин: «Что делать будем? Завидовать будем!»

Казанова написал еще знаменитые «Мемуары», которые и сего дня читаются с превеликим интересом как документ эпохи...

Другой знаменитый алхимик и авантюрист, блиставший главным образом в Париже, мемуаров не оставил. Вообще, он был гораздо загадочнее простого парня Казановы – и не в пример более респектабелен, аристократичен, как сто чертей...

Это – граф Сен-Жермен – оне же маркиз де Монферра, кавалер Шенинг, граф Беллармаре, граф Салтыков, он же испанский иезуит Аймар, он же эльзасский еврей Вольф, он же португальский маркиз Ветмар, он же – Ротондо, сын итальянского сборщика податей, он же – внебрачный сын испанской королевы Марии, он же – отпрыск венгерского князя Ференца Ракоци...

Одним словом, непонятно кто. Разумеется, никакой не граф и уж наверняка не Сен-Жермен. В отличие от Казановы, о котором хотя бы известно, где он родился, прошлое Сен-

Жермена окутано совершеннейшим мраком. Просто-напросто с некоторых пор по Европе стал разъезжать (а точнее, гастролировать) крайне представительный, образованный и обаятельный господин, любивший в приятной компании рассказывать, что ему две тысячи лет, что он водил знакомство с Иисусом Христом и еще целой кучей исторических личностей прошедших эпох, от императора Нерона до Генриха IV. И такая в нем была бездна обаяния, что, вместо того, чтобы засадить «графа» в психушку или согнать со двора взащей, его слушали, развесив уши. И верили, что он и в самом деле отыскал эликсир вечной молодости, философский камень и кучу других не менее удивительных вещей...

Сен-Жермен, кроме прочего, уверял, будто умеет «лечить» драгоценные камни, убирая пятна, трещины и удаляя пузырьки воздуха. Тесно сблизившись с французским королем Людовиком, которому частенько демонстрировал алхимические опыты (но золота из дерьма делать не предлагал, что правда, то правда), Сен-Жермен и в самом деле вроде бы «вылечил» ему большой алмаз с пузырьками воздуха внутри – взял «больной», а потом принес в точности такой же, но уже без пузырька.

(Правда, злые языки уже тогда твердили, что «граф» алмаз попросту подменил купленным на собственные денежки еще более лучшим и красивым – чтобы оказаться в милости у монарха, пойдешь и не на такие траты...)

Как бы там ни было, но Сен-Жермен долго вращался в самом что ни на есть высшем обществе Франции. Как я уже говорил, он был не в пример респектабельнее Казановы – девиц направо и налево не совращал, «перерождениями» престарелых маркиз в младенцев мужского пола не занимался, могилы не разрывал. Но мозги окружающим пудрил так, что и десять Казанов его бы не перещеголяли...

Самое интересное, что с Казановой они однажды встречались. Сен-Жермен со своей всегдашней очаровательной улыбкой взял у Казановы медный грошик, подул на него, что-то нашептал – и вернул уже натуральнейшую золотую монетку. Правда, на Казанову этот фокус не произвел особенного впечатления, и он в своих мемуарах упрямо именовал Сен-Жермена обманщиком и дешевым трюкачом. Конкуренция – вещь жестокая, и два «великих мага» в одной берлоге уживаются плохо...

Одним словом, на болтовне о дружеском общении с Христом, всевозможных предсказаниях и прорицаниях Сен-Жермен милостями короля Людовика сколотил недурное состояние...

Говорят еще, что Сен-Жермен был в России, приятельствовал с Алексеем Орловым и даже якобы играл какую-то роль в возведении на престол Екатерины II. Одна беда: пишут об этом авторы художественных книг и «специалисты по эзотерике» (первых я уважаю, но ко вторым доверия нет ни на грош). В *реальных* воспоминаниях современников Екатерины II мне что-то ни разу не попадались упоминания о приятеле Алексея Орлова Сен-Жермене. Быть может, я читал не все, написанное в восемнадцатом столетии, но тем не менее...

Вообще-то Сен-Жермен в 1784 г. помер своей смертью, как человеку испокон веков и полагается, и был должным образом похоронен в Италии. Однако впоследствии почему-то именно о нем, единственном из великих авантюристов XVIII столетия, стала кружить масса увлекательных слухов: говорили, что он и не умер вовсе, а продолжает под другими именами странствовать по Европе, что якобы во времена Великой французской революции его опознали среди сидевших в тюрьме аристократов, что и в середине девятнадцатого века не кто иной, как граф Сен-Жермен (ну, вылитый!) прогуливался по Лондону и Риму... Эликсир вечной молодости, понятное дело!

Одна беда: никаких реальных доказательств авторы таких сенсаций предусмотрительно не приводят. А от самого Сен-Жермена не сохранилось ни единого документа, ни одного листочка бумаги. Сразу после его смерти его тогдашний покровитель, принц гессенский, уничтожил весь архив Сен-Жермена. Через девяносто лет французский император

Наполеон III, заинтересовавшись таинственным графом, назначил специальную комиссию, поручив ей собирать все материалы, имеющие касательство к «другу Христа». Комиссия что-то и в самом деле накопала, но тут случилась франко-прусская война, во время обстрела Парижа в числе прочих сгорело и здание комиссии со всеми бумагами...

Ну, такие мелочи никогда не останавливали публику определенного пошиба – и на Западе давным-давно существует секта баллардистов, которые графа Сен-Жермена почитают едва ли не выше Христа. И завлекательных книжек о нем написана масса – но с доказательствами, как я уже говорил, слабовато. Точнее, нету никаких доказательств...

Перейдем к последнему из славной троицы. Джузеппе Бальзамо, он же граф Калиостро. Самое пикантное, что в отличие от двух «магов», о которых я только что рассказал, графский титул Калиостро был самым что ни на есть настоящим – его молодой Джузи унаследовал от своей тетушки совершенно законно.

Как и Казанова, Калиостро учился в семинарии – но до духовного сана не дотянул, сбежал из богоугодного заведения. Его отловили и согласно тамошним нравам (дело было в Сицилии) ради исправления заточили в монастырь. Правда, не в подземелье на хлеб и воду, а в ученики к монаху-аптекарю. У монаха была оборудована неплохая лаборатория (век Просвещения, не забывайте!), и там-то юный Джузеппе получил кое-какие знания в области химии, ботаники и медицины.

После чего решил, что образование можно считать законченным – и дал деру из монастыря. На сей раз его уже не поймали – а может, попросту не стали ловить, поскольку в монастыре юнец вел себя так, что всех достал своими проделками...

Обосновавшись в столице Сицилии Палермо, юный «выпускник монастырской школы» стал промышлять самыми что ни на есть высоконучными занятиями. Конкретно: изготавливал желающим за приличное вознаграждение приворотное зелье, сочинял и с выгодой продавал руководства по поиску кладов, подделывал деньги, театральные билеты, всевозможные квитанции, вообще любые бумаги, которые имело смысл подделывать.

На свою беду, о многообещающем юном специалисте прослышал богатый ювелир и ростовщик по имени Мурано – и сдуру отправился знакомиться. Джузеппе в два счета убедил клиента, что знает возле города уединенную пещеру, где спрятан богатый клад, охраняемый злыми духами. Сам Джузеппе туда не может заходить – иначе враз потеряет волшебную силу – но знает средство, как самому ювелиру этих злокозненных духов побороть и забрать клад до копеечки.

Средство и в самом деле было простое. В пещере следовало оставить увесистый мешочек с золотыми монетами, после чего уходить, не оглядываясь, и ждать дальнейших инструкций.

Вы будете смеяться, но Мурано и в самом деле отнес в пещеру мешочек золота и ушел, не оглядываясь. Золото очень быстро исчезло из пещеры – а вместе с ним из Палермо испарился и Калиостро, которому там уже становилось неуютно...

«Заклинатель демонов» пустился путешествовать по Италии, где свел знакомство с неким Альтосасом, субъектом неизвестной национальности и непонятого происхождения, но могучим магом – о чем сам Альтосас убедительно рассказывал всем, кто соглашался его слушать.

Оба принялись путешествовать уже вместе. Поскольку жить на что-то нужно было, подозреваю, что они уже на пару очищали карманы простаков вроде сицилийского ювелира. Вряд ли Калиостро и его колоритный приятель добывали средства к существованию трудами праведными...

Потом парочка посетила Египет. Вроде бы и в самом деле посетила – но лично я категорически не верю, что некие «египетские жрецы» посвятили их там в «тайные знания». Как впоследствии уверяли всех Джузеппе с Альтосасом. Во-первых, наверняка к тому вре-

мени в Египте уже давным-давно не было никаких таких «наследников древней египетской мудрости». Во-вторых, даже если бы где-то в захолустье и сохранилась парочка, с какого перепугу им посвящать в сверхтайные и сверхценные знания первого встречного заезжего мошенника?

Но некую чисто туристическую поездку наши «маги» все же, кажется, совершили. Я согласен поверить, что они переняли кое-какие трюки у уличных фокусников, что впоследствии пригодилось – но в жизни не поверю, что им удалось *просочиться* в Мекку, как они хвастались. За всю историю этого священного для мусульман города ни один немусульманин туда не пробрался. Ни один!

Из Египта наши герои отправились на Мальту, где в два счета задурили «египетскими мотивами» голову гроссмейстеру тамошнего знаменитого рыцарского ордена, который, назовем вещи своими именами, и так давно подвинулся на «тайных знаниях» и «скрытых науках». На рыцарские денежки оборудовали лабораторию, где долго и безуспешно пытались отыскать эликсир вечной молодости и философский камень – не знали, наивные, что их опередил граф Сен-Жермен.

Ни эликсира, ни философского камня они, как ни тратили гроссмейстерские денежки, так и не изобрели. Альтосас там же на Мальте и помер – то ли от разочарования, то ли просто оттого, что срок подошел. В одиночку продолжать увлекательные поиски Калиостро отчего-то не стал, – и, запасшись рекомендательными письмами от простодушного гроссмейстера, отправился в Рим, где, обояв тамошних аристократов, долго рассказывал им о своих египетских приключениях.

Именно там Джузеппе женился на Лоренце Феличиани, впоследствии его верной сообщнице в многочисленных аферах. Девушка была из самых что ни на есть простых – обыкновенная служанка – но красавица писаная.

Молодожены подались в Испанию, где Калиостро выдал себя за родовитейшего аристократа-римлянина, который без разрешения родителей женился на простой служанке (единственная правдивая деталь) и вынужден теперь влачить жалкое существование. Чувствительные испанцы вздыхали над трагической судьбой двух милых молодых созданий и охотно ссужали Джузеппе деньгами. Но тут какие-то въедливые бюрократы стали интересоваться, есть ли у господина аристократа хоть какие-то документы, подтверждающие его личность и его историю. А где их взять, документы-то? Тут вам не Палермо, с ходу не подделаешь...

Пришлось перебраться в Португалию, а оттуда в Англию, где Калиостро свел знакомство с некоей небедной миссис Фрей, быстренько убедил ее, что знает верный способ «увеличения драгоценностей» – и под это дело выманил у доверчивой миссис золотой ларец и дорогое ожерелье, которых она более так и не увидела. Кинулась в суд, но не было свидетелей, и Калиостро выкрутился.

А попутно в Лондоне применил (быть может, одним из первых) тот метод, на который и сегодня в нашем Отечестве порой ловят доверчивых лохов. Лоренца, быстрехонько вскружив голову какому-то лондонскому богачу, пригласила его к себе, но, едва они стали уstraиваться в постели, нагрянул оскорбленный в лучших чувствах муж, для которого увиденное, конечно же, стало громом с ясного неба. Чтобы унести ноги, незадачливый любовник выложил все денежки, что нашлись в карманах...

После Англии парочка гастролировала по Франции, Голландии, Германии и Испании, облегчая карманы любителей «тайных наук», а также «клубнички». Потом вернулись в Англию, где Калиостро начал торговать «астрономическими изъяснениями», помогающими якобы угадывать выигрышные лотерейные номера. Снова Калиостро оказался под судом, снова не нашлось улик, снова его оправдали (что при зверообразности тогдашней британской Фемиды было удачей нешуточной).

А вскоре Калиостро свел знакомство с пресловутыми масонами, о которых выдуманно столько небылиц – они-де и всемогущие и всеведущие, вообще едва ли не сверхчеловеки...

Оказалось, что масонов можно дурить так же легко и просто, как обычных смертных. Калиостро быстренько приобрел у них немалый авторитет, в два счета превратив в золото пару фунтов железа и увеличив бриллианты.

А потом, немного осмотревшись, пришел к выводу, что настоящего финансового процветания можно добиться только в том случае, если создашь свое собственное учение – а не станешь ходить в подручных у тех, кто давным-давно основал свою масонскую ложу и расхватал там все тепленькие места.

Калиостро быстренько объявил, что намерен учредить нечто совершенно новое – Египетское Масонство. Поскольку в Египте, что та губка, впитал столько тайных знаний, что все прочие масоны, неучи доморощенные, ему и в подметки не годятся. И вообще, он теперь даже не граф, а Великий Копт. Графьев много, а Великий Копт, единственный наследник тайных наук напрямиком из пирамид, – один.

Ошарашенные масоны прониклись – и потянулись в «египетскую ложу» рядами и колоннами, тем более что каждому новому члену Великий Копт обещал не только достижение духовного и физического совершенства, но и ровнехонько 5557 лет жизни на грешной земле (почему была выбрана именно эта, не такая уж круглая цифра, для меня остается загадкой).

Собирал ли Великий Копт приличные денежки с каждого нового члена? Вы что, дети малые? А иначе зачем огород городить...

Одним словом, полная тайна вкладов, то есть организации.

Завербовав приличное количество «египетских масонов» в Англии и Франции, Калиостро поехал в неокученную еще Германию, где по старой памяти варил приворотные зелья и прочие волшебные эликсиры и на «магических сеансах» демонстрировал сущие чудеса – зрители никогда не бывали в Египте и с трюками тамошних факиров были незнакомы совершенно...

Из германии великий маг отправился в Санкт-Петербург, где привычно торговал всевозможными волшебными эликсирами, дававшими вечную молодость и излечивавшими от любой хвори. Наши предки эту бурду, увы, расхватывали с превеликим энтузиазмом, ничем не отличаясь в этом плане от жителей самых что ни на есть «передовых» и «прогрессивных» европейских держав.

Однако в России Калиостро развлекался недолго. Екатерина II подобных «магов» на дух не переносила, прекрасно зная им истинную цену – и даже написала комедию для театра, где качественно высмеяла искателей философского камня.

Да вдобавок Калиостро влип в серьезную аферу: взялся за огромные деньги вылечить смертельно больного младенца, но тот все же умер – и «алхимик», чтобы не потерять денежки, тайком прикупил у каких-то бедняков-крестьян подходящего по возрасту мальчика, которого и предъявил в качестве «исцеленного».

Обман раскрылся едва ли не моментально. На горизонте обозначилась не любившая подобных мошенств контора под названием Тайная Экспедиция, где таких вот целителей пряниками не потчевали и на «вы» не разговаривали. Калиостро едва ноги унес из России.

В Польше его опять-таки не оценили по достоинству, быстренько объявив шарлатаном. Пришлось срочно уехать в гораздо более цивилизованные края, где к кудесникам и прорицателям относятся гораздо уважительнее.

Жители французского Страсбурга надежд Калиостро не обманули и показали себя людьми просвещенными, не чета грубым славянским варварам, упорно не верившим в египетскую магию. В этом древнем городе магу устроили триумфальную встречу с таким размахом, как если бы он был заезжей коронованной особой. На главной площади собрали всех

городских больных, и Калиостро их до вечера усердно «лечил»: кого наложением рук, кого наговорами-заговорами, кого волшебными эликсирами. Как ни удивительно, но после такого лечения все остались живы, и Калиостро еще три года «врачевал» тамошних идиотов, а для высшего света за отдельную плату устраивал магические сеансы – бриллианты увеличивал, холстину в шелк превращал, задуманные карты угадывал, мысли читал.

Потом перебрался в Париж, где возможностей имелось не в пример больше (да и деньги вертелись изрядные). Там он приобрел особняк и устроил в нем настоящее обиталище чародея: на стенах золотом начертаны никому не понятные «универсальные молитвы», мебели и прочая обстановка – на высшем уровне. Естественно, в столь перспективных декорациях уж неудобно было брать с клиентов серебром, и «маг» греб золотишко пригоршнями.

Супружница не отставала – она взялась читать для дам курс лекций по магии и чародейству – тогдашний вариант ниичаво. Ключуло ровным счетом тридцать знатных дам, с каждой «волшебница Лоренца» содрала по тридцать луидоров (луидор – полновесная золотая монета, примерно соответствующая нашему царскому червонцу). Легко подсчитать, сколько огребла эта парочка, успешно внедрившая семейный подряд...

Но потом «магу» поплохело и в славном городе Париже – дернул его черт связаться в нашумевшую когда-то аферу с ожерельем королевы Марии-Антуанетты.

Эту историю непременно следует рассказать подробно, без нее повествование о восемнадцатом столетии будет неполным...

Жил-был в Париже кардинал Роган, он же герцог (настоящий, без дураков, из древнего и почтенного рода). По отзывам современников, его высокопреосвященство был человеком, в общем, глупым и никчемным – но амбиций имелось выше головы. Хотелось взобраться на самые верхи, в первые министры. Логика тут была простая: Ришелье был кардинал? Кардинал. Кардинал Ришелье был герцог? Герцог. Ну, коли я тоже герцог и кардинал, у меня не хуже получится!

А вдобавок кардинал был страстным образом влюблен в королеву Марию-Антуанетту. Дело, в общем, житейское: хотя она и королева, но женщина исключительно красивая.

Беда в том, что Мария-Антуанетта, в противоположность многим своим предшественницам на французском троне, была в эротическом плане женщиной строгих правил (это уже потом, во времена революции на нее вылили потоки грязи, выдумав даже, будто она развращала и собственного малолетнего сына). И, с другой стороны, все при дворе прекрасно знали, что кардинал туп, как пробка, а потому и не собирались ему предоставлять серьезные государственные должности.

Но наш герой мнил себя, во-первых, выдающимся государственным деятелем, а во-вторых, неотразимым любовником. И, в конце концов, стал подбрасывать королеве любовные признания – в прозе, поскольку поэтическими талантами не обладал.

Ну, всякое бывает. В предыдущее царствование, при Людовике XIV, законченная лесбиянка герцогиня Дюра практически в открытую предлагала все свое состояние за однуединственную ночь любви не кому-нибудь, а дочери короля, пятнадцатилетней принцессе де Конти. Принцесса отказалась – не из высоких моральных соображений, а попросту оттого, что ночи предпочитала коротать с королевскими гвардейцами, и старая лесбиянка ее совершенно не привлекала...

Короче говоря, кардинал подбрасывал королеве пылкие любовные письма, стгорая от страсти, как солома на ветру...

Тут ему и подвернулся Калиостро, увидевший прекрасный случай подзаработать. Для начала «великий маг» пригласил кардинала на свой знаменитый банкет – куда собирал аристократов, писателей, ученых, причем за столом стояли и пустые стулья, на которых, по уверениям Калиостро, незримо восседали покойные философы прошлого – Монтескье, Воль-

тер – и, мало того, средь белого дня давали обстоятельные ответы на вопросы гостей (при посредстве Калиостро, понятно).

Кардинал клюнул. Калиостро ему устроил «опыт магнетизма» – пылали факелы, пляшущее пламя отражалось в бутылках с эликсирами, Калиостро в два счета ввел в транс какую-то красивенькую соплюшку, и та моментально «увидела», как в самом скором будущем королева отвечает на поползновения кардинала самым приятным образом. Одним словом – и любовь тебе будет, касатик, и карьера, только ручку не забывай золотить...

Кардинал воспрянул. Тут-то и появляется ожерелье...

У Марии-Антуанетты была в жизни одна, но пламенная страсть – драгоценные камни (пристрастие, впрочем, прощительное для очаровательной женщины, к чьим услугам к тому же государственная казна). А тут два парижских ювелира смастерили особенно красивое ожерелье с огромными бриллиантами – ценой ни много ни мало 1 600 000 ливров. В те времена на такие деньжищи можно было построить военный корабль – трехмачтовый, многопушечный – и еще осталось бы на хороший банкет и наем экипажа.

Естественно, никому в стране, кроме коронованных особ, эта игрушка была бы не по карману. Показали королеве. Королева пришла в восторг и пошла к мужу просить денег. Людовик XVI был вообще-то человеком мягким (глуповат, но добряк, славный малый, вполне уместный в роли мэра маленького городка или чиновника, но решительно не годившийся в короли) и женушкиным прихотям всегда шел навстречу, но на сей раз сумма была неподъемная даже для него: казна пуста, государственный долг достиг устрашающих размеров, какие, к черту, брильянты, да еще за такую цену...

Королева впала в меланхолию. Тут на сцене появилась очаровательная молодая авантюристка Жанна Ла Мотт, по тогдашним непринужденным обычаям именовавшая себя графиней и незаконной дочерью короля Генриха IV (первое было совершеннейшей выдумкой, а вот второе, в принципе, могло оказаться и правдой: покойный Генрих наплодил столько незаконных отпрысков, что обо всех даже и не знал).

Жанна свела знакомство с кардиналом, скоренько его убедила, что она – самая близкая и доверенная подруга королевы, и начала носить влюбленному болвану ответы королевы на его пылкие излияния (которые сама же и подделывала с помощью законного мужа, того еще мошенника).

Чуть позже устроила даже кардиналу свидание с королевой – под покровом романтической ночной тьмы, в парке, на расстоянии. Роль королевы блистательно исполнила юная модистка Николь Лаже (опять-таки именовавшая себя «баронесса д'Олива»), которая промышляла главным образом тем, что не шляпки шила, а за хорошие деньги позволяла аристократам с ней баловать, как душе угодно.

Кардинала можно было теперь брать голыми руками. И Жанна ему преподнесла с невинным видом убедительно состряпанную историю: мол, королева хочет потихоньку купить то самое ожерелье, но нужен респектабельный поручитель, который от ее имени все и проделает...

Наш дурень в кардинальской мантии поручение старательно выполнил: забрал у ювелиров ожерелье, заявив им, что действует по поручению королевы (те поверили – ну как же, кардинал и герцог, фамилия старинная!), после чего отдал его Жанне Ла Мотт. И стал ждать, когда королева его отблагодарит в спальне и назначит первым министром...

Не дождался, конечно. Зато во дворце появились встревоженные ювелиры и дипломатичнейшим образом поинтересовались, когда ж им все-таки заплатят деньги...

Какие деньги? Да за ожерелье! Какое ожерелье? Да то самое, что мы кардиналу отдали для ее величества! Парижской Богоматерью клянемся!

Грянул скандал. Королевская чета оказалась в самом неприглядном положении – а потому, не заботясь о сохранении тайны, полиция моментально загребла всех: и Жанну Ла

Мотт, и кардинала, и Калиостро, которого перепуганный кардинал тут же заложил подробнейшим образом...

Ожерелья, правда, уже не было – его в Лондоне, разрезав на кусочки, продавал муженек Жанны... Удалось отыскать во Франции лишь малую часть камешков.

Шумный был скандал... Как ни старалась французская разведка, мужа Жанны из Лондона так и не выцарапали, и большая часть бриллиантов пропала бесследно.

А оказавшиеся под следствием, как оно обычно и бывает, во весь голос вылили вину друг на друга. Жанна Ла Мотт уверяла следователей, что все придумал Калиостро. Калиостро столь же яростно отпирался: да, мол, за скромную сумму, а главным образом ради того, чтобы отвязаться от влюбленного дурака, показал ему парочку фокусов, но – никакой уголовщины не замышлял! Кардинал кричал, что влюблен по самые уши, и его, младенца несмышленного, злые люди обдурили на четыре кулака...

Кончилось все тем, что срок вlepили одной Жанне. Отстегали кнутом, поставили на плечо клеймо (ту самую знаменитую королевскую лилию, которой у Дюма отметили коварную миледи) и отправили за решетку. После революции она себя провозглашала «безвинной жертвой деспотии», долго еще болталась по свету и умерла не где-нибудь, а в России, где скромненько обитала под чужим именем. Долго потом ходили слухи, что бриллианты она все же привезла в Россию и закопала где-то, но это наверняка сказочка.

Туманная история, в некоторых деталях не проясненная до сих пор. Обличители «всепроникающих масонов», конечно же, твердили, что вся эта история была масонской провокацией, задуманной ради дискредитации монархии. Увы, как это всегда и бывает, доказательствами никто похвалиться не может (а французская монархия сама дискредитировала себя так, что не понадобились бы никакие масоны).

Гораздо более похожа на правду другая версия, выдвинутая серьезными французскими учеными еще лет пятьдесят назад: что королева все же знала о том, что в ночном парке кардиналу показали ее двойника, более того, сама этот розыгрыш устроила, чтобы посмеяться над влюбленным идиотом – вот только не предусмотрела, что исполнители, Жанна с компанией, поведут свою игру и под шумок приберут к рукам ожерелье. Поскольку эта версия основана не на домыслах, а на сохранившихся в венских архивах письмах Марии-Антуанетты, доверия к ней гораздо больше, нежели к сказкам о масонах...

Но вернемся к Калиостро. И он, и кардинал Роган от суда в конце концов отвернулись – у обоих было гораздо больше связей и полезных знакомств, чем у Жанны. Но на «великого мага» юстиция начала откровенно коситься, и он от греха подальше убрался из Франции, обосновавшись в родной Италии.

Тут бы и успокоиться, благо и года уже были почтенные, и денег имелось изрядно. Тут бы и жить в полном соответствии с принципом Абдуллы: хороший дом, хорошая жена, что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?

Однако, надо полагать, пресловутое шило в заднице о себе напомнило – и Калиостро по старой памяти принялся учреждать «египетское масонство», причем не где-нибудь, а в Риме, где давным-давно действовал папский указ о том, что масонство карается смертной казнью, будь оно хоть египетское, хоть эскимосское. Папа (не в пример более поздним деятелям) прекрасно понимал, что кучка интеллигентов, увлеченно балующихся эзотерикой и самыми шальными политическими теориями, может очень даже запросто и натворить дел... Что потом, кстати, не в одной стране блестяще подтвердилось.

Короче, полное впечатление, что Калиостро слегка повредился умом – учреждать в Риме масонскую ложу было столь же благоразумно, как если бы войти в мечеть со свиным окороком и предлагать мусульманам подкрепиться...

«Великого мага» моментально повязали. Иные «прогрессивные» писатели уверяли потом, что его якобы безжалостно пытали, гноили в сыром подzemелье, пока не подписал насквозь вымышленные обвинения.

На самом деле все обстояло иначе. Судейские проделали титаническую работу, восстановив в мельчайших деталях путаную биографию синьора Джузи: как за приличные деньги вызывал духов, за которых сам же и чревоуещал, как торговал «эликсиром бессмертия» из всякой дряни, как подкладывал супругу богатеньким Буратиным... И все это обнародовали. Тогда только у «просвещенной общественности» открылись глаза, и она поняла, как ее дурили – а раньше что-то не догадывалась.

Финал был скучным: Калиостро прозаически помер в заключении. Дуракам обещал 5557 лет жизни, а то и бессмертия, но себе самому отчего-то бытие не продлил...

Где авантюрист, там и шпионаж. Надобно вам знать, что в восемнадцатом столетии службой в тайной полиции не гнушались и светочи литературы. Знаменитейший драматург Бомарше, автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», много лет трудился, не покладая рук, в качестве заграничного агента французской разведки – о чем можно было бы написать отдельную (и толстенную!) книгу.

Точно так же к тайным делам был прямо причастен и классик английской литературы Даниэль Дефо – в те времена, когда он еще не считался классиком. Правда, Бомарше все же выглядел чуточку приличнее в сравнении с коллегой по перу: он как-никак служил именно в заграничной разведке. А мистер Дефо, признаемся ради ясности, служил скорее агентом-провокатором в родной Англии – выслеживал всевозможных инакомыслящих, диссидентов и прочих вольнодумцев. И даже представил властям серьезнейший трактат об организации в Англии «секретной службы, благодаря которой королевские министры со всех концов страны могли бы получать надежную информацию о том, как в данный момент различные города и графства относятся к правительству».

Без насмешки, это была серьезная работа – в те времена, когда мало кто задумывался о «научной организации труда». Согласно Дефо, у властей должны быть списки всех дворянских и просто богатых семей того или иного графства, власти «должны иметь сведения относительно образа мыслей и нравственности служителей церкви и мировых судей в каждом приходе», кроме того, «список наиболее видных граждан каждого города и его окрестностей с тем, чтобы знать, за какую из партий готовы эти люди подать свой голос на выборах». И наконец, нужно в масштабах всей страны составить «таблицу, показывающую силу влияния каждой из партий в различных районах». Все вышеперечисленное требует развернуть обширную сеть тайных осведомителей по всей стране.

В мою задачу не входит в чем бы то ни было упрекать автора бессмертного «Робинзона Крузо». Я просто-напросто в толк не возьму, отчего в таком случае сплошь и рядом именно Российскую империю иностранцы полощут за ее Третье отделение? Которое даже к середине девятнадцатого столетия насчитывало три с лишним десятка человек...

Агентами французской разведки, кстати, побывали и Казанова с Сен-Жерменом. Правда, если первый вел себя грамотно и о данных ему поручениях помалкивал, то Сен-Жермен, чтобы повысить свой престиж в глазах окружающих, направо и налево выбалтывал детали порученных ему секретных миссий, пока от его услуг не отказались...

Шпионаж в те времена переживал сущий расцвет, поскольку был абсолютно лишен какой бы то ни было идейной подоплеки (которая, цинично заметим, способна только повредить серьезному делу). Времена были простодушные и непосредственные, ничуть не зазорно было откровенно продаваться иностранному государству, что считалось делом житейским, невинной подработкой на стороне (вспомним те самые «пенсии»!).

А потому даже на разоблаченных агентов порой смотрели сквозь пальцы. Например, папенька Фридриха Великого, король прусский Рейхенбах давным-давно работал на

австрийцев, а первый министр – на французов (правда, и его потом перекупили более щедрые австрийцы). Но реагировали спокойно: во-первых, это было дополнительное средство держать проказников в ежовых рукавицах, а во-вторых, им можно было платить вовсе уж мизерное жалованье, цинично объясняя:

– Вы ж, камрады, все равно на продаже моих секретов чертову уйму денег зашибаете...

Камрады скромненько опускали глазки и о повышении жалованья больше не заикались...

Одним из центров европейского шпионажа в те времена был как раз турецкий Стамбул. Никакого парадокса здесь нет: сановники Оттоманской державы продавались вовсе уж беззастенчиво и откровенно, а потому именно там было проще добывать иные секреты. Например, копию секретнейшего австрийско-турецкого соглашения против России английская разведка раздобыла не в Вене, а как раз в Стамбуле. Между прочим, взяточничество было такое, что турецкие власти даже не пытались с ним бороться: они просто-напросто создали особую канцелярию, которая аккуратно собирала с турецких чиновников подходящий налог... с каждой взятки! Так и было... Наказывали по полной не за то, что хапнул взятку от иностранного посла или загнал государственные тайны сопредельной державе, а за то, что налог с этих денежек не выложил...

Именно там, в Стамбуле, русский посол Дашков без особого труда купил с потрохами голландского посла при султани графа Кольерса, который на своем посту сидел сорок лет и был кладезем бесценной информации. А чуть позже русские разведчики в Стамбуле заявили к датскому посланнику барону Гибшу и без церемоний поинтересовались:

– Господин барон, у нас, знаете ли, золота полны карманы, а секретов как раз не хватает... Завербоваться не хотите?

Барон, лучезарно улыбаясь, отвечивал:

– С полным нашим удовольствием, молодые люди!

Уникальный был тип! Работал на все разведки, какие только действовали в Стамбуле – и особенно прославился в узких кругах тем, что во время войн России с Наполеоном снабжал информацией (достоверной!) и ту, и другую сторону.

Коли уж речь зашла о нашей разведке, то обязательно нужно упомянуть тогдашнего Штирлица номер один графа Юрия Юрьевича Броуна. Немец по происхождению, он впоследствии поступил на русскую службу и, в 1740 г., находясь в плену (!) у турок, тем не менее ухитрился раздобыть секретные бумаги султанского правительства, касавшиеся подготовки новой войны с Россией – да вдобавок и переслать их в Санкт-Петербург! За что, вернувшись домой, был произведен в генералы. Умели люди работать.

Ну, а чтобы отвлечься от авантюристов и шпионов, давайте поговорим о чем-нибудь возвышенном. Например, о высоком искусстве, в частности опере.

В итальянской опере тогда пели кастраты. Во множестве. Напомню тем, кто запомнил, в чем тут фокус. Когда обладатель великолепного голоса переходит из подросткового возраста в юноши, голос у него *ломается*. Может остаться таким же красивым (хотя и чуточку другого тембра), а может и пропасть напрочь. Но он сохранится во всем великолепии, если вовремя подступить к мальчику с ножницами и... ну, вы поняли.

В общем, в Италии этот промысел получил самое широкое распространение. Певцы были из самых что ни на есть бедняцких семей, а потому и их самих, и родителей можно было легко уговорить, позвякивая золотишком...

Кое-кто из заезжих иностранцев клялся и божился, что своими глазами видел на дверях итальянских лавок откровенное объявление: «Имеются мальчики-кастраты». Вообще-то дело было не просто осуждаемое обществом, но и уголовно наказуемое: любого, уличенного в причастности к проведенной над дитем кастрации, отлучали от церкви, а потом и сажали. Но все равно, бизнес процветал более-менее подпольным образом – надо полагать, те, кто

им заправлял, оправдывались тем, что служат высокому искусству. Сами итальянцы на публике об этом пикантном промысле говорить стыдились, и каждая провинция сваливала грех друг на друга: в Милане категорически отрицали, что забавляются с ножницами – мол, это исключительно в Венеции... Означенная Венеция кивала на Болонью, Болонья все отрицала и грешила на Флоренцию, из Флоренции переправляли любопытных в Рим, а Рим сваливал на Неаполь... Ну, а неаполитанцы, ясен пень, с честными глазами уверяли, что они тут вовсе ни при чем, и богомерзкий промысел процветает как раз в Пулье (на кого сваливала Пулья, я пока что не выяснил).

В общем, все отпирались категорически – а кастратов повсюду пело немислимое количество.

Но не это самое интересное. И даже не то, что один из таких певцов, Балатри, несколько лет гастролировал в России, куда его привез Петр I...

Самое интересное, что кое-кто из этих певцов-кастратов оказывался... героем бурных и получавших широкую известность любовных романов, ничуть не педерастических, а с очаровательными дамами! Серьезные источники свидетельствуют, знаете ли...

Ну, мы с вами вообще-то взрослые люди и знаем, что даже кастрат при некоторой фантазии может доставить даме нешуточное удовольствие. А во-вторых... Как сообщают те же серьезные источники, они, стервецы, так *красиво* ухаживали... И голос божественный, и обхождение самое галантерейное... Надо полагать, это в какой-то степени компенсировало *недочеты*. Давно ведь подмечено, что женщины любят ушами...

Кастрат Сифаче, знаменитый певец, был известен всей Италии как дамский угодник, из-за чего в конце концов и сложил буйну голову. Был у него пылкий роман с графиней Еленой Форни, вдовой знатного дворянина из города Модена. Когда слухи об этом романе дошли до родственников вдовы, они ее засадили в монастырь (скорее всего, не из-за того, что Сифаче был кастрат, а оттого, что происхождения он был самого подлого).

Сифаче не уgomонился – он ухитрился проникнуть и в монастырь к предмету своей страсти. Прослышав об этом, разъяренные родственники наняли специалистов по деликатным делам. Специалисты деликатно перехватили певца на большой дороге и квалифицированно прикончили, а заодно и безвинного кучера, чтобы не растрепал эти новости из мира оперного пения...

Героем не менее нашумевшей любовной истории был и кастрат Каффарелли. В Риме он ухаживал за некоей дамой из высшего общества, и ее супруг однажды застукал парочку при самых недвусмысленных обстоятельствах. Каффарелли спасся только потому, что всю ночь просидел в пустой бочке, пока его искали по всей округе. Муженек (должно быть, не большой любитель оперы) нанял четырех молодцов, чтобы прикончить звезду шоу-бизнеса – но его жена, в свою очередь, наняла для любовника четырех телохранителей...

Но всех переплюнул кастрат Тендуччи. Сначала он, будучи на гастролях в Англии, умыкнул из-под родительского крова некую благонравную девицу. А потом и обвенчался с ней по всем правилам. Более того: кое-кто из современников уверяет в своих мемуарах, что у этой пары было двое детей!

Казанова писал, будто все дело в том, что (простите за этикие подробности) у Тендуччи было не два, а три яичка – и, когда ему парочку отчекрыжили, третье осталось. Об этом ему якобы поведал сам Тендуччи.

История крайне запутанная. Известно, что дети у Тендуччи были – но, в конце концов, под давлением родственников жены брак был признан «недействительным и несостоявшимся» и расторгнут по суду. Как там обстояло на самом деле, сегодня уже не выяснить, да и смысла нет – я все это рассказываю исключительно для того, чтобы вы прониклись колоритом эпохи (в девятнадцатом веке кастратов уже не фабриковали).

Ах, этот волшебный мир театра! В архивах сохранилась совершенно очаровательная официальная бумага, вышедшая из Московской полицмейстерской канцелярии в декабре 1748 г. Был тогда в Белокаменной театр, а точнее, как он именовался, «камедиальный дом, построенный в Старой Басманной улице, близ Красных ворот, в котором, при собрании знатных особ и протчих чинов людей и производится комедия».

Так вот, знатные особы, как им по тогдашним правилам хорошего тона надлежало, приезжали смотреть представление в сопровождении многочисленных слуг, которых оставляли на улице. Означенные лакеи сплошь и рядом ломились в театр – без билетов и не платя за вход, выламывали двери, дрались с актерами и сторожами. Дело было не в тяге к высокому искусству: все происходило в декабре, стояли сильные морозы, и на улице было неуютно. Одни лезли внутрь, чтобы малость погреться, другие поступали и того радикальнее. Как гласит тот же документ, «тако ж отламывают у камедиального дому крыльца и лестницы и раскладывают огни, отчего, Боже сохрани, не воспоследовало б пожарного буйства».

Чтобы навести порядок в храме искусств, решено было принять самые разные меры: в дни представления высылать к театру усиленные полицейские наряды, офицерам регулярно контролировать несение службы дозорами. И, наконец, с каждого, собравшегося в театре, стали брать подписку в том, что он предупрежден о недопустимости нарушения его слугами общественного порядка – и, буде что, заплатит немаленький штраф...

А поскольку некоторые слова имели в то время абсолютно не то значение, что ныне, театральные труппы именовались... «бандами». Даже в самых что ни на есть официальных документах можно встретить: «бьет челом немецкой банды камедиант Панталон Петер Гилферинг»...

Это, конечно, произошло от немецкого слова «bande», имеющего значение не только «шайка», но еще и «компания», «ватага», «орава». «Камедиант» Гилферинг, кстати, бил челом о выдаче ему разрешения на работу в России. Разрешение выдали. О чем в «Журнале Протоколов Правительствующего Сената» сохранилась следующая запись от 12 октября 1749 г.: «По имянному изустному указу, объявленному генерал прокурором и кавалером о даче немецкой банды содержателю Панталону Петру Гильфердингу для произвождения комедий...»

Положительно, я не могу удержаться, чтобы не привести полностью решения князя Трубецкого, того самого «генерал прокурора и кавалера»: «Всепресветлейшая державнейшая Великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица Всероссийская указать соизволила: что понеже (поскольку – А. Б.) Ея Императорского Величества немецкой банды камедианской содержатель Панталон Петр Гильфердинг всеподданнейше просил, а Правительствующий Сенат подал челобитную: якобы бывшей той банды директор Сигмунд умрет, ныне та банда осталась без директора, а содержит оную он, Панталон Гильфердинг, платя вышеозначенного умершего Сигмунда жене, которая ныне вышла замуж за офицера, некоторую часть от собираемых с того доходов. Того ради, ему, Гильфердингу, дать из Сената, на основании прежде данной означенному умершему Сигмунду, привилегию, а жену ево Сигмандову от того отрешить и платы ей ему, Гильфердингу, отныне более никакой не производить».

Каков старинный слог? Песня...

В общем, Панталону выдали, «сочиняя оную» в Правительствующем Сенате, привилегию, то есть, говоря современным языком, эксклюзивное право играть «камеди» в Москве, Санкт-Петербурге, Нарве, Ревеле, Риге и Выборге. После чего во всех документах Панталон уже именовался «Привилегированной немецкой банды директор». Чем, надо полагать, весьма гордился.

Обратите внимание: театральными делами занимаются и лично императрица, и Правительствующий Сенат. Причем не только театральными – точно такие же бумаги, показыва-

ющие, что дело рассматривалось и сенаторами, и государыней, повествуют о том, как выдавали схожую привилегию «прибывшему из немецких краев показателю куриэзных вещей Францу Сарге с компаниею и ученою лошадыю для предоставления экзерциций».

Причиной тому – вовсе не доведенная до заоблачных высот бюрократия. Просто-напросто в те времена «учреждений культуры» было настолько мало, что и труппой комедиантов, и немцем с ученою лошадыю занимались на самом высшем уровне. И в Европе тоже. Незатейливые были времена...

И не надо думать, что вышеописанные беспорядки в театре – типично русские заморочки. В других державах театры тоже, знаете ли, мало напоминали храм возвышенной культуры...

И в английских, и в итальянских театрах в партере собиралась не самая пристойная публика: лакеи (в Венеции еще и гондольеры, то бишь тогдашние таксисты), молодые бездельники, вообще всякий сброд. Меж рядами расхаживали девицы, предлагавшие не только прохладительные напитки, но и свои услуги. В нижнем ряду лож невозбранно располагались дамочки сомнительной репутации, которых охотно пускали ради привлечения публики, а следовательно, и повышения выручки. Вся эта толпа и во время спектакля болтала, шумела, ссорилась, а то и дралась.

«Чистая публика», господа аристократы, в театр сплошь и рядом приезжала не оперу слушать или комедию смотреть, а приятно провести время на публике. Большие ложи, принадлежавшие театрам побогаче, были скорее похожи на гостиные: дорогие ковры, зеркала, диваны, канделябры. Там, опять-таки во время спектакля, преспокойно играли в карты, распивали вино, ходили друг к другу в гости из ложи в ложу. Не храм, чего уж...

Сохранились документы венецианской тайной полиции, свидетельствовавшие о том, какую головную боль доставляла означенному жутковатому учреждению очаровательная и легкомысленная княгиня Эрколани, супруга австрийского посла. Эта ветреная особа назначала свидания любовнику прямо в ложе. Ну, место достаточно удобное: ковры-диваны, канделябры, занавески легко задернуть, отгородившись от всего мира, да вдобавок рядом музыка играет и, как писал классик, кастраты усладительно поют... Романтично, черт побери – и ведь уютно!

Разумеется, беспокойство венецианской тайной полиции касалось любовных приключений жены дипломата проистекало вовсе не из соображений высокой морали. Чины попросту боялись, что муж легкомысленной княгини когда-нибудь узнает, как проводит время в храме культуры его женушка, заявится туда с парой пистолетов или шпагой (прецеденты бывали) и получится сплошная уголовщина, переходящая в международный скандал: речь как-никак шла о дипломате. А кому отдуваться в случае чего? Конечно, тайной полиции, которая не доглядела и не обеспечила...

Чтобы хоть как-то привести театральную публику в благопристойный вид, создали особые отделы полиции – их сотрудники в штатском кишмя кишели среди зрителей. В Риме, например, тех, кто вел себя в театре особенно буйно, без церемоний хватали, волокли на близлежащую площадь, привязывали к специальному столбу и отвешивали дюжину-другую розог по мягкому месту. После чего отводили назад и усаживали на прежнее место, чтобы и дальше наслаждался культурной программой, «насколько ему позволяло его состояние». Ясно, что сиделось наказанному опероману совсем неуютно...

Но так, конечно же, поступали исключительно с буйными простого звания. Кто бы рискнул не то что намекать насчет розог, но хотя бы замечание сделать его величеству Фердинанду, королю Неаполитанскому? Была у него устоявшаяся проказа: в последний день ежегодного карнавала король отправлялся в театр Сан Карло, занимал место на самой верхотуре, приказывал принести блюдо макарон с подливкой (и непременно чтобы с пылу с жару!) после чего пригоршнями вываливал спагетти на головы зрителей внизу...

Перейдем от дел театральных к извечной теме взаимоотношений мужчины с женщиной. Восемнадцатое столетие частенько именуется «галантным веком». Это, знаете ли, полуправда. Словом «галантность» в данном случае, что греха таить, маскируется повсеместный и утонченный разврат, принимавший порой поразительные даже на наш сегодняшний взгляд формы...

Моду, как водится, задавали с самого верха. Французский король Людовик XV был, несомненно, личностью творчески мыслящей. Он сообразил однажды, что полагаться на случай в поиске фавориток и просто временных симпатий – дело архаическое, и его следует упорядочить. А потому создал в Париже знаменитый «Олений парк». Это был уединенный особняк в глубине красивого парка, окруженного надежной оградой – и официально там располагался закрытый пансионат для воспитания юных девиц из хороших семей.

Девицы (по современной классификации, «нимфетки») там действительно обитали, и происходили в самом деле из лучших семей – но воспитывал их сам король (порой приглашавший с собой в виде милости кого-нибудь из приближенных), и воспитание это, как вы уже догадались, было, как бы это поделикатнее выразиться, несколько специфическим...

Все про это прекрасно знали – в том числе и родители означенных девиц – но локтями друг друга распахивали, чтобы пристроить туда доченьку: как-никак по окончании «учебного заведения» выпускница получала вознаграждение в сто тысяч ливров... В виде приданого. И женились на них охотно – знали, что все университеты превзошла, проказница...

А впрочем, Людовик в данном вопросе был не оригинален. Еще до того, как он открыл это своеобразное учебное заведение, владельцы германских государств завели у себя самые настоящие гаремы. Некий путешественник писал о герцоге Баден-Дурлахском, что он «развлекался в гареме, состоящем из ста шестидесяти садовниц». В других государствах не особенно и отставали, все зависело от финансовых возможностей – кто-то мог себе позволить полторы сотни одалисок, а кому-то едва на два десятка хватало казны...

Германия в то время на пуританскую страну не походила нисколько. Те самые знаменитые мейсенские фарфоровые фабрики в больших их количествах выпускали не только сервизы, но и то, что мы сегодня назвали бы «эротической скульптурой» – фигурки одиночные и групповые. Музеи их сегодня стыдливо держат в запасниках...

Там же, в Германии, в некоторых областях еще в начале восемнадцатого века сохраняли силу законы полувековой давности, совершенно официально разрешавшие мужчинам двоеженство. Правда, на сей раз причина была не в разврате. Просто-напросто после Тридцатилетней войны Германия страшно обезлюдела, в иных провинциях погибло три четверти населения, так что рождаемость, кровь из носу, нужно было поднять, даже отступая от христианских канонов...

Один из историков нравов еще сто лет назад сделал любопытное заключение: восемнадцатый век не знал *подростков* – ни мужского, ни женского пола. Люди сначала считались детьми, а с некоего момента – уже взрослыми. И наступал этот момент довольно рано. Герцог де Лозен женился в девятнадцать – а его жене не было и пятнадцати. Принц Монбаре (двадцати одного года) женился на тринадцатилетней, а через год она уже мама. Герцогиню Бурбон-Конде, незаконную дочь Людовика XIV, выдали замуж одиннадцати лет.

А потому двенадцатилетние любовницы в те времена – не исключение, а как раз правило. В мемуарах Казановы это все подробно описано. Понятие «совершение несовершеннолетних» попросту отсутствовало и в уголовном кодексе, и в общественном сознании. Есть масса *народных* песен, и немецких, и французских, где сюжет вертится вокруг одной темы – томящаяся девица вздыхает: мне уже пятнадцать, а мужа все нет, мне уже двенадцать, а любовники не появляются. Самой, что ли, кого-нибудь в сети Амура завлечь?

И во Франции, и в Германии во многих городах уже был в большой моде временный обмен женами. Свидетельствует серьезный писатель того времени, посетивший Бер-

лин: «Здесь очень в ходу обмениваться женами на несколько недель. Так однажды вечером я случайно услышал, как один офицер говорил военному советнику: „Да, кстати, дорогой друг, когда я сегодня вечером приду к твоей милой жене, то предупреди ее, чтобы она не брала к себе на диван Верного Пастушка (вероятно, собачку). А то как-то неудобно спать, да и мешает постоянно“.

Идиллия, право...

Да, кстати, а как обстояли дела в доброй старой Англии?

А вот вам цитата из одного тогдашнего крупного писателя: «Какой-нибудь знатный приятель ловеласа похищает молодую невинную девушку, спаивает ее, проводит с ней ночь в доме терпимости, оставляет ее там в качестве залога и спокойно потирает руки, когда две недели спустя узнает, что ее бросили в тюрьму, где она сошла с ума и умерла. Во Франции развратники были не более как легкомысленными пройдохами, здесь они были низкими негодьями».

Речь, таким образом, идет о всеобщем состоянии нравов, а не об исключительных случаях... Именно в Англии вошли в большую моду «балы Адама». Слово опять-таки современнику: «На этот бал явились много прекрасных и знатных дам в масках, а в остальном совершенно голые. Мужчины за вход платили пять гиней. Оркестр наигрывал танцы, была устроена холодная закуска. После окончания танцев зала погрузилась в темноту и многочисленные диваны служили для последовавшей затем оргии».

Когда одну такую вечеринку однажды накрыли полицейские и принялись устанавливать личности гостей, даже принимавшие живое участие в забавах лондонские проститутки изумились не на шутку: оказалось, что самые изобретательные и раскрепощенные на этой групповушке дамы были не платными шлюхами, а как раз представительницами высшего общества. Среди них даже оказалось несколько герцогинь...

Но и это еще не самое пикантное. На всем протяжении восемнадцатого века (и даже в девятнадцатом!) английские мужья законнейшим образом, с аукциона, на ярмарках *продавали* своих жен! Правда, этот обычай существовал исключительно среди «низших классов»...

Но он существовал. Сохранились газеты того времени, где после цен на свиней, овец и прочий скот помещены цены на женщин. Вот примечательный отрывочек из газеты «Таймс» от 12 июля 1797 г.: «Из-за случайного недосмотра или сознательного упущения в отделе смитфильдской ярмарки мы лишены возможности сообщить цену на женщин. Многие выдающиеся писатели усматривают в возрастании цен на прекрасный пол верный признак развития цивилизации. В таком случае Смитфильд имеет полное право считаться очагом прогресса, так как на рынке недавно эта цена поднялась с полгиней до трех с половиной».

Между прочим, Смитфильд – это не какая-нибудь глухомань, населенная безграмотной деревенщиной, а пригород Лондона...

Вот детальное описание свидетеля: «Обыкновенно муж приводил жену, на шею которой была накинута веревка, в день ярмарки на площадь, где продавали скот, привязывал ее к бревну и продавал в присутствии необходимого числа свидетелей тому, кто давал больше других. Судебный рассыльный или какой-нибудь другой невысокий судейский чин, а часто сам муж, устанавливал цену, редко превышавшую несколько шиллингов, муж отвязывал жену и водил за веревку по площади. Народ называл такого рода торг „the hornmarket“ (ярмарка рогатого скота). Покупателями обычно бывали вдовцы или холостяки. После такой продажи женщина становилась законной женой покупателя, а ее дети от этого нового брака также считались законными. Тем не менее, мужья иногда после покупки настаивали на венчании в церкви».

Как вам добрая старая Англия? Вообще-то это, строго говоря, не разврат, мужик не шлюху снимает, а законную жену себе в дом прикупает, но все равно, как-то не вяжется с нашим представлением об Англии как оазисе благодных вольностей народных...

А знаете, кстати, в каком году в Англии зафиксирован последний достоверный факт этакой законной продажи жены? В 1884. Тысяча восемьсот восемьдесят четвертом. Чтоб я так жил...

Но вернемся в восемнадцатый век. Как и во многом другом, и в интимной области уже наблюдался нешуточный прогресс. Уже к началу столетия был изобретен презерватив, или кондом, названный так по фамилии изобретателя, английского доктора Кондома. Кстати, уже в те времена прекрасно наловчились «посредством шивания» восстанавливать девственность.

Что еще? Ах да, курфюрст саксонский, он же король польский Август Сильный сделал очередной любовницей родную дочку (правда, незаконнорожденную) – и в том же был замечен Казанова, писавший в своих воспоминаниях, что именно-де в таком теснейшем общении и достигается подлинная отцовская любовь.

В общем, в результате повсеместного распространения этакой «галантности» именно в восемнадцатом столетии по всей Европе распространились в немыслимом количестве воспитательные дома, куда всякая мать, желавшая отделаться от нежеланного или незаконного ребенка, могла его принести и сдать, оставшись неизвестной. К слову, тогда повсеместно действовали писанные законы, по которым матерям незаконных детей запрещалось отыскивать отцов и требовать денег на содержание ребенка. Законы эти, ежу понятно, писаны исключительно мужиками...

И напоследок – об ароматах.

Наше счастье, что техника пока что не достигла описанных фантастами высот, и телевизоры с киноэкранами не способны передавать запахи. Иначе костюмированные фильмы из жизни кавалеров и дам восемнадцатого столетия пришлось бы смотреть, наглухо забивая ноздри затычками...

Восемнадцатое столетие смердело, как сотня дохлых кошек. Уж простите за неприглядные подробности, но именно так все и обстояло. Кавалеры в кружевных манжетах и дамы в красивых платьях, которых мы видим на экране, в реальности не мылись по несколько месяцев, да и бельишко менять не особенно спешили. Ради ликвидации последствий такого образа жизни были изобретены изящные штучки с откровенным названием «блохоловки». Как легко догадаться из названия, ими ловили на себе блох те самые блистательные дамы и господа прямо на пышных приемах.

Для французских королей построили великолепнейшее место под название Версаль. Красивейшие парки с фонтанами и тенистыми аллеями, роскошные дворцы...

Вот только во всем этом Версале (в отличие от «варварской» России) не было ни одной комнатухи, которую у нас обычно именовали «нужником», а впоследствии «сортиром». Ни единой. Суровый исторический факт.

Как же они там обходились? А попросту. Королю и кучке высшего дворянства еще подносили предмет под деликатным названием «ночная ваза» – а многочисленные придворные (и масса вносившей свой вклад прислуги) перебивались и без этого. Я ж говорю, нравы были самые непринужденные. Какой-нибудь благородный граф (порой на приеме) подходил к камину, непринужденно поворачивался спиной к обществу и преспокойно пускал струю в камин. Более воспитанные люди на минутку выходили на лестницу, каковую и орошали столь же непринужденно. Ну, а большую, как принято именовать, нужду можно было справиться под любым красиво подстриженным садовниками кустиком.

Представляете, как благоухал великолепный Версаль, которому завидовали все остальные европейские монархи?

А теперь представьте, что вы – придворный кавалер. И уманили наконец в парк ночной предмет своих воздыханий. Ну, лобзания, клятвы, прелюдии... Нежно берете за талию ваш предмет, с колотящимся сердцем опускаете ее в густую травушку-муравушку... И аккурат в...

Черт их знает, как они там в Версале в таких вот случаях реагировали. Может быть, и внимания не обращали особенно – притерпелись, должно быть, к «ароматам»...

Самое смешное, что эти вот субъекты искренне считали «варварами» наших предков – которые, в отличие от французов, каждую неделю ходили в баню, а нужники имелись повсеместно...

Конец первой главы. Признаю, она, очень может быть, несколько затянулась, но читатель, смею думать, имеет теперь некоторое представление о столетии, в котором родилась императрица Екатерина, в котором она прожила чуть ли не семьдесят лет...

А теперь – о ней. Родилась однажды девочка...

Глава вторая

Маленькая заграничная принцесса

Будущая императрица и самодержица Всероссийская Екатерина II родилась 21 апреля 1729 г. Ее родители – наследный принц Ангальт-Цербстского герцогства (именуемого еще княжеством, но, в принципе, это одно и то же) Христиан-Август и Иоганна Елизавета, его законная супруга, в девичестве – принцесса Голштейн-Готторпская.

Даже в этом утверждении, очень может оказаться, ровно половина правды. Что уж тут говорить о таких немаловажных деталях, как место рождения столь заметной в нашей истории персоны и имя, данное ей при крещении... Обстоятельства появления Екатерины на свет – загадка на загадке.

Но давайте по порядку. Что собой представляло Ангальт-Цербстское герцогство, сколь велика была эта почтенная держава, подарившая нам императрицу?

Увы, увы... Это была одна из тех самых многочисленных германских стран, которые легкий на ногу путешественник мог исходить вдоль и поперек буквально за пару-тройку часов. А на горячем коне скакать по этой державе было и вовсе невозможно – едва прищипришь скакуна, едва он сорвется в галоп, как впереди, в какую сторону ни скачи, обнаружится пограничный шлагбаум, по ту сторону которого уже начинается территория столь же крохотной, но абсолютно независимой и суверенной страны...

Главное (и практически единственное) достоинство герцогов Ангальтских – это нешуточная древность рода. Ангальт – один из древнейших владетельных домов не только Германии, но и всей Европы. Его основатели сначала носили титул графов Балленштеттских (в каком качестве впервые в исторических хрониках упоминаются в 940 г.), потом – графов Асканских. Из этого семейства происходили знаменитый Альбрехт Медведь, первый правитель Бранденбурга. В 1212 г. саксонский герцог Генрих как раз и принял впервые титул герцога Ангальтского. Подобное генеалогическое дерево внушает уважение.

Вот только тогда же, в средневековье, сыновья Генриха по тогдашнему милому обычаю после смерти папеньки разделили владения на три суверенных части. И началось... Ангальт на протяжении долгих столетий пребывал в виде уже не трех, а даже четырех частей. Когда в 1853 г. наконец-то объединились в одно целое разрозненные прежде части, Ангальт насчитывал всего-то сто семьдесят тысяч жителей, и площадь его была две с лишним тысячи квадратных километров. То есть речь идет о территории длиной примерно в пятьдесят километров и шириной в сорок. Это, повторяю, весь Ангальт. Теперь разделите на четыре – и сами поймете, что в XVIII столетии Ангальт-Цербст в число великих держав никак не мог входить. У иных *мелких* российских помещиков именьяца были даже побольше...

А потому нет ничего удивительного, что Екатерина появилась на свет не в родном Цербсте, а в прусском городе Штеттине, в Померании, где ее батюшка служил всего-навсего командиром полка прусской пехоты (полк, правда, звался Ангальт-Цербстским). Ну да, вот именно. Наследный принц вынужден был прозаически служить чужому королю за скромное жалованье полковника – крохотное герцогство, которым правил его старший брат, просто-напросто не прокормило бы, надо полагать, кроме законного герцога, еще и наследника престола. И бедолага Христиан-Август с юных лет мыкался на иностранной военной службе, где перед ним не особенно и ломали шапку – таких владетелей в Германии, если помните, насчитывалось три сотни с лишним, всех и не упомнишь, если вы не специалист по геральдике...

Некоторые источники именуют Христиана то «генерал-фельдмаршалом прусской службы», то «губернатором Штеттина». Однако эти посты он получил от Фридриха Вели-

кого уже гораздо позже, когда его дочь стала наследницей российского императорского трона – Фридрих был искусным дипломатом... А к рождению Екатерины Христиан, повторяю, был всего-навсего одним из многочисленных прусских полковников, командовавшим размещенным в жутком захолустье пехотным полком (даже, по-моему, не гвардейским).

Но я, помнится, обещал о загадках... Так вот, начинаются они с того, что имя, данное девочке при крещении, нам известно в разных вариантах. Наиболее известным считается «Софья Фредерика Августа» – якобы ее так назвали в честь трех тетушек сразу.

Однако шевалье де Рюльер, секретарь французского посланника в России, очевидец свержения Екатериной мужа и автор интереснейших воспоминаний, отчего-то именуется Софьей Фредерикой *Доротеей*.

Это весьма странно. Об ошибке и речь не идет – шевалье, несмотря на молодость, был толковым и хватким профессиональным разведчиком, два года жил в Петербурге, прекрасно знал немецкие реалии и столь глупой ошибки не допустил бы. Так что нам неизвестно *настоящее* имя, полученное Екатериной при крещении.

И место ее рождения тоже неизвестно. Сама она – не всегда! – называла в качестве такового Штеттин. Но еще *при ее жизни* дотошные немецкие историки стали перерывать метрические записи в архивах города Штеттина – и не нашли ни строчки, где говорилось бы о «регистрации» столь знатной особы!

И *нигде* таких записей на нашли. Еще при жизни Екатерины все материалы о появлении ребенка на свет самым загадочным образом исчезли.

А вот это в сто раз страннее, чем разночтения в имени. Потому что, во-первых, в Германии того времени метрические книги велись аккуратнейшим образом, а во-вторых, речь шла не о крестьяночке из глухих мест, а о наследной принцессе одного из старейших в Европе владетельных родов. Записи о ее появлении на свет просто *обязаны* были существовать! Хотя бы для того, чтобы удостоверить законность ее рождения, а следовательно, и притязаний на титул и трон! Из-за того, что подобные записи оказывались утраченными или умышленно уничтоженными, в благородных семействах происходило немало число трагедий. Вспомните роман Коллинза «Женщина в белом». Там оказалось, что один из главных злодеев оказался самозванцем – долгие годы именовал себя «сэрром», а потом копнули метрические книги и выяснилось, что о нем там нет никаких записей, потому что он незаконнорожденный, никакой не баронет, а шпана подзаборная... Да мало ли примеров?

В общем, записи о рождении Екатерины просто *обязаны* были существовать. Но загадочным образом куда-то делись еще при ее жизни. Хотя штеттинские архивы сохранились в полной неприкосновенности, не узнавши ни войн, ни стихийных бедствий...

Причина? Она лежит на поверхности. Поскольку есть серьезнейшие основания если не утверждать со всей уверенностью, то крепко подозревать, что Екатерину следует именовать не Софьей Христиановной, а Софьей Ивановной...

Потому что на сцене появляется *третий* – молодой (двадцати восьми лет от роду) человек, русский аристократ Иван Иванович Бецкой. Незаконный сын князя Трубецкого и шведской баронессы Вреде. Во время войн Петра I со шведами храбрый вояка Трубецкой, так уж не повезло, угодил в плен – и жилось ему в плену, в Стокгольме, весьма неплохо. В те времена еще сохранялась некоторая рыцарственность, и военнопленных не принято было материть в концлагерях. Даже рядовые солдаты, угодив в плен, жили, в общем, нормально, а офицеры и, особенно, знатные персоны и вовсе разгуливали свободно по чужой столице, пользуясь всеми благами жизни, преспокойно гуляли в кабаках с офицерами противника и вместе с ними шлялись по доступным красавицам (таковы уж были нравы эпохи). Вот и Трубецкой в плену крутил роман с баронессой Вреде практически в открытую – плодом чего был Иван Иванович Бецкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.